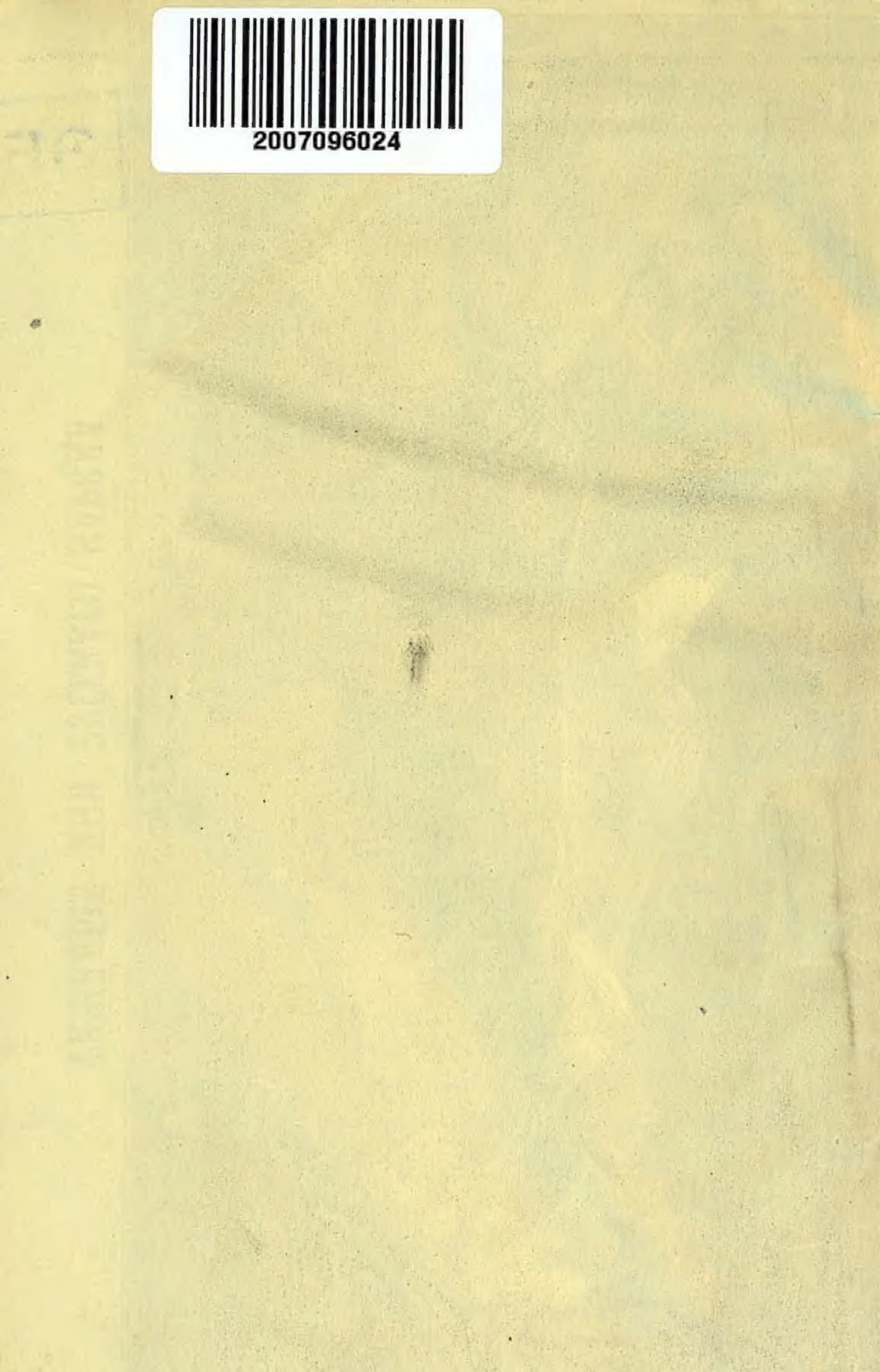
ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ РУССКАГО НАРОДА.

2007096024

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ РУССКАГО НАРОДА

съ 1-го по 15-е Марта 1881 года.

НЕ СТАЛО

БАТЮШКИ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ!

СКОНЧАЛСЯ ОНЪ МУЧЕНИЧЕСКИ

ОТЪ ЗЛОДѢЙСКИХЪ РУКЪ БЕЗБОЖНИКОВЪ, КРАМОЛЬНИКОВЪ, ПОГАНЫХЪ НИГИЛИСТОВЪ!

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ

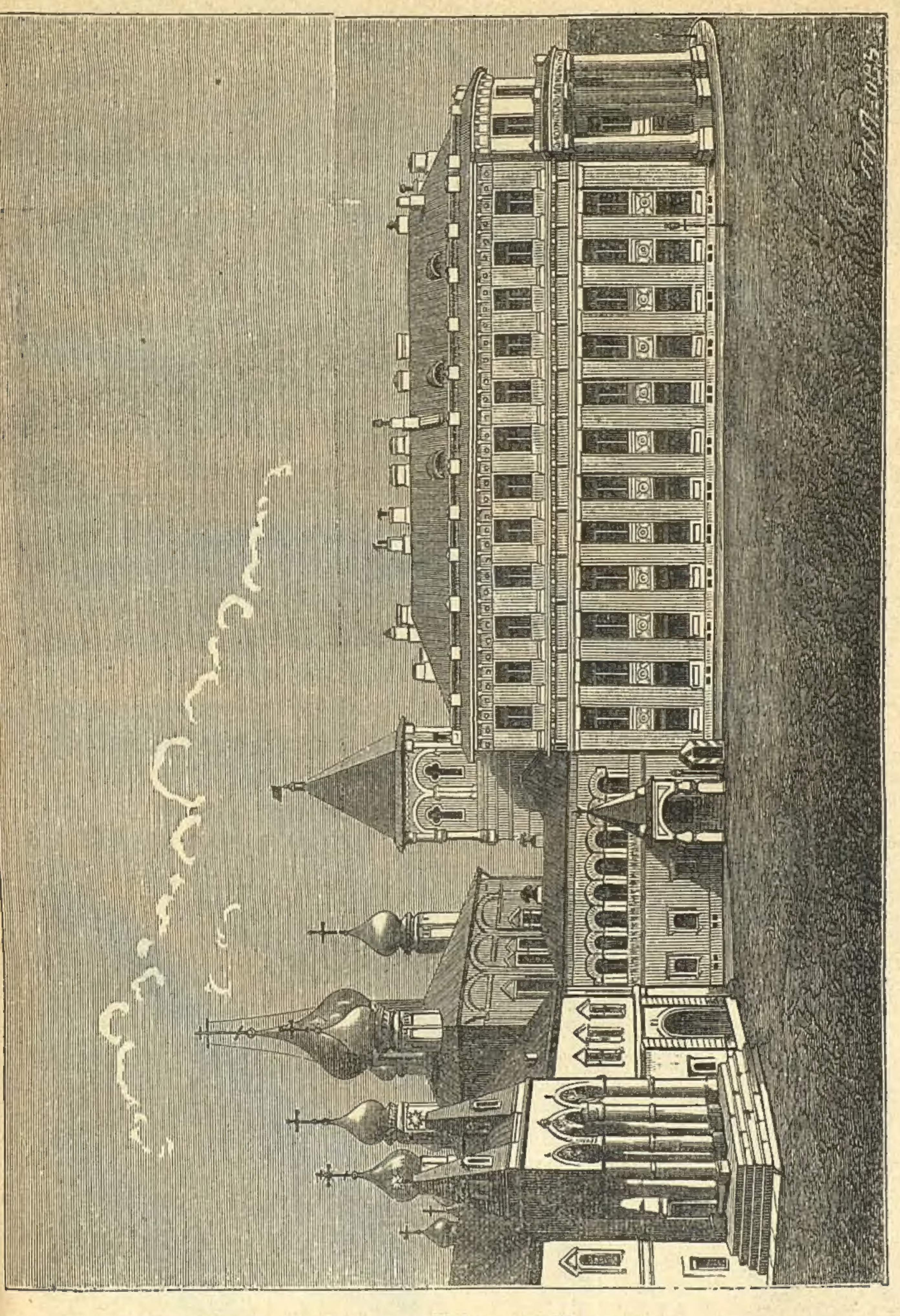
СОБЫТІЙ И КОНЧИНЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Народъ, Россія на колѣна!
Плачь въ сей страшный часъ!
Какъ молнія слетѣла,
Несчастіе на насъ.

МОСКВА.
Типографія С. Орлова, у Бородинскаго моста.
1881.

Дозволено цензурою. Москва, 19 Марта 1881 года.

Чудовъ монастырь и Николаевскій дворецъ.

Царь-Освободитель въ узахъ смерти!.... Вѣнценосецъ, свой въ предѣлахъ земнаго царственный подвигъ вѣнцомъ мученичества увѣнчавшій,—нынѣ предъ престоломъ Всевышняго!....

Плачь, осиротѣлая отечественная земля! Плачь, поруганный Русскій народъ! Ты самъ понялъ и вполнѣ чувствуешь, что потерянный тобою Царь былъ Ангеломъ Русской земли, сокровищемъ добра, въ безпримѣрной красотѣ и чистотѣ свѣтившаго всему міру и съ нѣжностію матери согрѣвавшаго всю Русскую землю. Ты самъ понялъ и ясно сознаешь, что жизнь Его вся была нашею величайшею славою, нашею гордостію предъ иноземцами, надеждою и прибѣжищемъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ народовъ, радостію и украшеніемъ Православной Церкви. Но къ увеличенію своего горя, ты никакъ не можешь отогнать отъ себя неотступно навязывающейся тебѣ мысли, что этотъ Царь не скончался только, но и убитъ въ своей столицѣ, среди милліоннаго населенія, и мученическій вѣнецъ для Его священной главы сплетенъ на глазахъ Его вѣрноподданныхъ, па Русской землѣ.

И по всей землѣ Русской изъ конца въ конецъ еще до сихъ поръ раздается стонъ растерзаннаго народнаго сердца. Еще до сихъ поръ съ ужасомъ и безмѣрною скорбію всѣ отъ мала до велика внимаютъ роковымъ вѣстямъ о звѣрскомъ убіеніи ихъ любимаго Царя. Уныніе всеобщее!.... Горе безутѣшное раздается повсюду и захватило востокъ и западъ, сѣверъ и югъ нашего многомилліоннаго отечества. И горе это тѣмъ тяжелѣе гнететъ сердце, тѣмъ живѣе и сильнѣе чувствуется, что оно глубоко, камнемъ запало въ нашу душу и не обнаруживается вовнѣ—ни стонами, ни слезами.

Да! Тяжелые дни пришлось переживать намъ въ настоящее время. Туча темная и грозная разразилась на горизонтѣ нашемъ. Многіе и теперь еще никакъ не могутъ сжиться съ возможностью совершившагося горькаго событія. Особенно, какъ-то не вмѣщается въ здравый Русскій умъ и не вѣрится простому Русскому сердцу, что жизнь его излюбленнаго Царя кончила крамола и насильственная смерть, хотя въ то-же время всѣ теперь уже ясно сознаютъ,

что это дѣйствительная правда. Страшныя, потрясающія вѣсти одна за другою приходятъ къ намъ съ мѣста злодѣйскаго преступленія, такъ что теперь мы уже можемъ представить о немъ полное и опредѣленное понятіе. Вотъ какъ говорятъ объ этомъ, потрясающемъ душу, событіи телеграммы, сообщенныя преимущественно съ разсказовъ очевидцевъ.

Въ ночь на 2-е Марта Министръ внутреннихъ дѣлъ телеграфировалъ:

«Сегодня, 1 Марта въ 1 часъ 45 минутъ, при возращеніи Государя Императора съ развода, на набережной Екатерининскаго канала, у сада Михайловскаго Дворца, совершено было покушеніе на священную жизнь Его Величества посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ; первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества, разрывъ втораго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній Дворецъ, Его Величество сподобился пріобщиться Святыхъ Таинъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ въ 3 часа 45 минутъ пополудни. Одинъ злодѣй схваченъ.»

Впечатлѣніе этого роковаго извѣстія было потрясающее. Нѣтъ возможности изобразить всей глубины тѣхъ горькихъ единодушныхъ рыданій, какими оглашались всѣ мѣстности по мѣрѣ того, какъ оно ихъ достигало. «Москва, пишутъ, проливаетъ непритворныя слезы. Первому извѣстію о неслыханномъ злодѣяніи никто не хотѣлъ вѣрить. Ночь прошла въ тревожномъ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій. Сегодня съ ранняго утра народъ сталъ собираться толпами на площадяхъ и улицахъ и читалъ вѣсти о постигшемъ Россію несчастіи..... Кремлевская площадь была залита народомъ. Умилительно было видѣть эти искренныя слезы, которыя проливались въ церквахъ всѣми,—и старыми и малыми, мужчинами и женщинами.» Еще: «Съ быстротою молніи облетѣла утромъ 2 Марта ужасная вѣсть о мученической кончинѣ Царя-Освободителя. Негодованію народа нѣтъ границъ. Всѣ нравственно поражены горестнымъ событіемъ, тяжелымъ гнетомъ легшимъ на душу москвичей. *Нѣтъ нашего Батюшки Царя! убитъ злодѣями*, съ чувствомъ душевной муки передаетъ одинъ другому страшную вѣсть; всѣ глубоко сосредоточены, угрюмы; не слышно многоглагольствованья. Но вотъ раздались удары съ колоколенъ церквей московскихъ, и народъ вереницами потянулся въ храмы; не прошло и пяти минутъ, какъ они были буквально переполнены. Со слезами на глазахъ и голосомъ, прерываемымъ рыданіемъ, передавали

настоятели своей паствѣ печальное извѣстіе..... Съ 12 часовъ дня ударили къ паннихидѣ, во время совершенія которой народъ стоялъ колѣнопреклоненнымъ; но вотъ, діаконъ провозгласилъ вѣчную память новопреставленному Императору Александру Николаевичу, и послышались громкія рыданія осиротѣлаго народа, и горячая молитва къ Царю царствующихъ понеслась за Того, Кто, какъ добрый пастырь, душу свою положилъ за овцы. Тихо разошлись по домамъ вѣрноподданные со свинцовою тяжестію въ груди.»

Какъ плакала Москва, такъ вмѣстѣ съ нею плакали и всѣ города, селенія и деревни, куда только достигала печальная вѣсть. Отовсюду понеслись стоны разтерзаннаго Русскаго сердца.

2-го затѣмъ Марта появились уже болѣе подробныя извѣстія о постигшемъ насъ горѣ. Въ «Голосѣ» читалось: «Страшное событіе, постигшее сегодня, 1-го марта, всю Россію, произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ началѣ третьяго часа по полудни, по окончаніи развода въ Михайловскомъ манежѣ, Государь Императоръ возвращался мимо Михайловскаго театра по Екатерининскому каналу. Не успѣлъ экипажъ Государя Императора, конвоируемый шестью казаками, поравняться съ выходящимъ на каналъ зданіемъ службъ Михайловскаго Дворца, какъ подъ каретой Государя раздался взрывъ; полуизломанный экипажъ остановился; Государь вышелъ изъ кареты и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, направился было по тротуару; въ это время раздался второй взрывъ, но уже подъ ногами Государя, который упалъ, обливаясь кровію. Подоспѣвшая свита поспѣшила перенести Государя въ сани, которыя направились въ Зимній Дворецъ. Изъ лицъ, сопровождавшихъ Его Величество во время слѣдованія изъ манежа, нѣсколько человѣкъ убито и ранено; ранено также нѣсколько частныхъ лицъ, находившихся вблизи мѣста катастрофы. Взрывъ былъ до того силенъ, что на противоположной сторонѣ набережной, въ зданіи Придворнаго Конюшеннаго вѣдомства, выбиты стекла въ окнахъ. Вѣсть объ ужасномъ происшествіи мгновенно облетѣла городъ. Толпы народа поспѣшили на площадь Зимняго Дворца. Вскорѣ было объявлено, что Государь Императоръ скончался. Весь городъ на улицахъ и площадяхъ. Прибавленія, публикуемыя «Правительственнымъ Вѣстникомъ», читаются на всѣхъ перекресткахъ; на мѣстѣ катастрофы пострадали сверхъ того до 20-ти человѣкъ, получившихъ болѣе или менѣе тяжелыя раны; изъ числа раненыхъ 13-ть человѣкъ доставлены въ Конюшенный Госпиталь и

три—въ Маріинскую больницу. Профессоръ музыки Капри, которому осколкомъ повредило лицо, былъ перевезенъ въ квартиру Прозорова, на Михайловской площади, въ домъ Жербина, гдѣ ему было подано медицинское пособіе. Изъ числа раненыхъ умерли одинъ конвойный казакъ и одинъ статскій, отказавшійся дать о себѣ какія-нибудь показанія. Упомянутый въ правительственномъ сообщеніи злоумышленникъ, задержанный на мѣстѣ преступленія, назвался Вятскимъ мѣщаниномъ Грязновымъ; дознаніемъ обнаружено, что имя его Русаковъ, родомъ онъ изъ города Боровичи Новгородской губерніи; послѣдніе два года онъ слушалъ лекціи въ Горномъ Институтѣ; ему 21 годъ. Къ 3 часамъ по полудни на мѣсто катастрофы прибыли судебныя власти: Судебный Слѣдователь мѣстнаго участка Ламанскій и мѣстный участковый товарищъ Прокурора Плющикъ-Плющевскій. Слѣдствіе сосредоточено главнымъ образомъ въ рукахъ Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, Книрима».

Еще съ большею подробностію то-же самое разсказываетъ одинъ очевидецъ, описавшій совершившееся событіе въ вагонѣ желѣзной дороги на пути изъ Петербурга въ Москву. «Было, говоритъ онъ, около 2½ часовъ. На площади Казанскаго Собора послышались два удара очень сильные—будто отъ выстрѣла тяжелыхъ орудій. Извощикъ мой замѣтилъ, не взорвали ли пороховые погреба или заводъ. Народъ сталъ толпиться на Невскомъ и особенно у Казанскаго моста. Смотрѣли по направленію Екетерининскаго канала къ Театральному мосту (близъ Царицына луга). Спрашивали другъ друга; отвѣты были неопредѣленные, но тревоги особенной не было. Съ каланчи Думы поднятъ былъ тогда пожарный сигналъ. Одни говорили, что на пожарѣ гдѣ-то былъ взрывъ; другіе, что взрывъ былъ на Царицыномъ лугу и раненъ какой-то полицейскій. У Театральнаго мостика и на Лугу, а также на льду канала суетится народъ. По набережной канала, возвращаясь съ развода (бывающаго обыкновенно по воскресеньямъ, въ Михайловскомъ Манежѣ, въ присутствіи Государя, отъ 1 до 2 часовъ), проходитъ взводъ кавалеріи, кажется, Конной Гвардіи къ Невскому проспекту, и весьма спокойно. Я направляюсь къ Полицейскому мосту. Здѣсь большая толпа, какъ обыкновенно по воскресеньямъ, но замѣтно какое-то необычное движеніе. Опять разспросы, ждутъ чьего-то проѣзда. Вдругъ отъ Полицейскаго моста, въ Большой Морской, скачетъ извощикъ и на немъ полицейскій офицеръ держитъ друга-

го полицейскаго же офицера, видно раненаго или больнаго (онъ шатается на сидѣньи). Въ магазинѣ, куда я вошелъ, тутъ же на Невскомъ, много толковъ, говорятъ о несчастіи съ людьми, о взрывѣ: но гдѣ и что произошло, все какъ-то смутно. Нѣсколько минутъ спустя входитъ какой-то господинъ и говоритъ, что взорванъ Театральный мостикъ въ минуту проѣзда Государя, что убитъ конвойный, ранено нѣсколько полицейскихъ, но что Государь, слава Богу, невредимъ или раненъ легко, такъ какъ, выйдя изъ кареты, которой часть взорвана, продолжалъ путь пѣшкомъ. Я поспѣшно направляюсь къ площади Зимняго Дворца. Здѣсь уже толпа народа. У Дворца два взвода пѣхоты, часть конвоя Его Величества, жандармы, полиція. Пѣхота состоитъ изъ взвода моряковъ и взвода юнкеровъ какого-то военнаго училища. Многочисленныя группы у самаго Дворца, на тротуарахъ и у дворцовыхъ подъѣздовъ. Поминутно подъѣзжаютъ и приходятъ, вѣрнѣе, подбѣгаютъ сановники, члены дипломатическаго корпуса, придворныя дамы. Смятеніе, тревога всеобщія и все возрастаетъ. Подъѣзжаетъ въ каретѣ, видимо взволнованная глубоко, Великая Княгиня Александра Іосифовна, подъѣзжаетъ французскій посолъ. Вездѣ группы спрашивающихъ и сообщающихъ отрывочныя свѣдѣнія. Окружаютъ моряковъ и юнкеровъ, которые съ волненіемъ разсказываютъ объ ужасномъ событіи, котораго они были свидѣтелями, возвращаясь тою же дорогою съ развода. Изъ всего высказаннаго можно было понять слѣдующее: Государь, послѣ развода, былъ у Великой Княгини Екатерины Михаиловны въ Михайловскомъ Дворцѣ и потомъ, около $2^1/_2$ часовъ, возвращался въ Зимній Дворецъ по набережной Екатерининскаго канала, въ каретѣ. Не доѣзжая Театральнаго мостика, произошелъ взрывъ подъ заднею частію кареты. Часть кареты взорвана, тяжело раненъ конвойный казакъ, упавшій тутъ же на мѣстѣ, ранено также нѣсколько полицейскихъ. Государь остался невредимъ; говорятъ, что только задѣта была шинель или пальто. Государь вышелъ изъ кареты и спросилъ: кто раненъ. Въ это время кучеръ упрашивалъ Государя сѣсть снова въ карету, говоря, что еще можно въ ней доѣхать. Толпа, въ ужасѣ, окружая Государя и ожидая новыхъ взрывовъ, умоляла Его поспѣшить удалиться, но въ это время произошелъ новый взрывъ подъ самыми ногами Государя. Вторая бомба (такъ какъ это очевидно были Орсиніевскія бомбы, брошенныя на мѣстѣ или, какъ другіе говорятъ, черезъ стѣну сада Михайловскаго Дворца), почти оторвала обѣ ноги выше

колѣна. Государя подняли и донесли до саней Генералъ-маіора Ѳедорова (градоначальника Петербурга, ѣхавшаго впереди Государя). Несли Государя между прочими моряки и юнкера, которые возвращались, какъ уже сказано, съ развода тою же дорогою. Государь обратился къ одному изъ моряковъ и просилъ дать ему платокъ, чтобы утереть кровь на лицѣ, пораненномъ осколкомъ бомбы. На шинеляхъ и на рукахъ нѣкоторыхъ изъ юнкеровъ была кровь. Народъ тутъ же схватилъ двухъ преступниковъ, которые и отданы подъ стражу. Говорятъ, что одинъ изъ нихъ въ эту минуту крикнулъ кому-то въ толпѣ: «скажи отцу, что меня схватили». Ранено всего, говорятъ, человѣкъ десять, въ томъ числѣ Полковникъ Дворжинскій, полицеймейстеръ, сопровождавшій Государя въ саняхъ. Состояніе Государя, какъ говорятъ въ группахъ сановниковъ, военныхъ и прочихъ лицъ у подъѣзда Дворца, опасное, но небезнадежное. Высокопоставленныя лица стараются войдти во Дворецъ, но часовые ихъ не впускаютъ. Подъѣзжаетъ Генералъ-Адъютантъ Треповъ, видимо больной и взволнованный. Въ глубокой скорби тутъ же у подъѣзда графъ С. Г. Строгановъ. Величаво выдѣляется средь толпы маститый старецъ. Никого не впускаютъ съ Салтыковскаго подъѣзда, кромѣ Царской фамиліи. Слухи все болѣе тревожные, горестные. Выѣзжаетъ изъ Дворца одинъ генералъ. Слышно: не хорошо, ампутаціи рѣшились не дѣлать. Слышно: Государь пріобщился. Выходитъ изъ Дворца какой-то посланникъ,—изъ его словъ можно понять всю ужасную истину—надежды нѣтъ. Но вотъ, кто-то еще вышелъ, что-то сказалъ. Что?.... Все смолкло, все какъ-то остолбенѣло. Что, *что* такое? Правда ли? Нѣтъ, *быть не можетъ*, нѣтъ, вѣдь это *не* правда?.... Но всѣ они, всѣ стоятъ съ обнаженной головой и молча творятъ крестное знаменіе. Россія! ты ли это? Самый кроткій изъ Царей, Тотъ, чье любвеобильное сердце въ теченіи четверти вѣка билось только для блага подданныхъ..... Не можетъ быть, это мой умъ помутился. Возможно ли, Боже, Боже! Нѣтъ, это все *правда*, ужасная, кровавая правда. Въ эту минуту слышу на другомъ концѣ площади, уже занятой почти сплошною массою народа, визгъ и гамъ. Какой-то молодой человѣкъ, смуглый, что-то сказалъ въ толпѣ, и вотъ толпа влечетъ его въ руки начальства. Вотъ и еще «другаго схватили»..... Кто онъ? Также молодой еще человѣкъ, бѣлокурый, въ красной рубахѣ подъ грязнымъ пальто. Оба избиты, растрепаны платья, волосы рвутся хлопьями. Казаки и по-

лиція съ величайшимъ трудомъ вырываютъ ихъ изъ рукъ толпы и, кажется, имъ удается дотащить ихъ до воротъ зданія Главнаго Штаба. Многіе въ толпѣ кричатъ: живыми ихъ, живыми тащите, пусть прочихъ выдадутъ. Вотъ скачетъ полкъ казаковъ и на скаку окружаетъ Дворецъ. Въ толпѣ многіе плачутъ навзрыдъ. Да, плачьте, рыдайте *надъ собой*! надъ нами всѣми, надъ Россіей! Бѣдная, бѣдная ты, наша мать, опозоренная самымъ ужаснымъ злодѣяніемъ, какое когда либо совершалось! Нѣтъ тому примѣра во всей исторіи человѣчества. Нѣтъ примѣра такой смерти Государя и какого Государя? Столько совершившаго для блага своихъ подданныхъ и такъ искренно ихъ любившаго!.... Сумерки сгустились; въ 7-мъ часу я проѣзжалъ по Невскому проспекту къ Николаевской желѣзной дорогѣ. Опять огромная толпа по лѣвую руку, ждутъ чьего-то проѣзда. Я взглянулъ направо: направо былъ Аничковъ Дворецъ».....

При изслѣдованіи поврежденій у Государя Императора оказалось слѣдующее: обѣ голени ниже колѣнъ и до стопы были превращены въ массу обрывковъ мускуловъ, на которыхъ мѣстами висѣли осколки костей, и мягкія части носили на себѣ слѣды обжога. На лѣвой верхней вѣкѣ замѣчался незначительный подтекъ также съ обжогомъ. Перчатка правой руки окровавлена. По мѣрѣ приближенія къ Зимнему Дворцу Государь терялъ сознаніе отъ потери крови, которая сочилась изъ оборванныхъ мускуловъ обѣихъ голеней. Эти мускулы составляли единственную связь между стопою и колѣнями обѣихъ ногъ, ибо кости голеней были раздроблены и вышиблены взрывомъ. Доктора Круглевскій и Маркусъ явились первыми и произвели немедленно прижатіе бедренныхъ артерій. Докторъ Дворяшинъ, врачъ 4-го Стрѣлковаго баталіона Императорской фамиліи, находившійся случайно въ зданіи Окружнаго Штаба и услышавъ крики «Государь раненъ», бросился во Дворецъ и въ дверяхъ кабинета Его Величества встрѣтилъ Доктора Круглевскаго. «Скорѣе привозите ампутаціонный и резекціонный наборъ,» сказалъ ему Круглевскій. Дворяшинъ бросился за инструментами въ квартиру Круглевскаго и чрезъ пять минутъ былъ обратно во Дворцѣ. Боткинъ былъ уже при Его Величествѣ и съ величайшимъ вниманіемъ производилъ выслушиваніе ударовъ сердца. Изъ привезеннаго набора каучуковый бинтъ немедленно былъ наложенъ на правую ногу выше колѣна, при чемъ доктора старались сохранить всю оставшуюся на оборванныхъ частяхъ тѣла

кровь и отдавить ее по направленію къ сердцу. Затѣмъ наложенъ былъ каучуковый жгутъ. Бинтъ снятъ, чтобы повторить ту-же операцію на лѣвой ногѣ, дабы уэкономить кровь для питанія мозга. Рѣшено было наложить бинтъ на правую руку. Когда Дворяшинъ снялъ окровавленную перчатку съ правой руки Государя, оказалось, что на рукѣ было нѣсколько кровавыхъ подтековъ съ обжогомъ. Обручальное кольцо было совершенно сплюснуто спереди. Произведено было бинтованіе. Боткинъ сказалъ, что сердечные тоны становятся яснѣе и появилось глотательное движеніе. Государь пріоткрылъ нѣсколько глаза, и подъ вліяніемъ вспрыскиванія сѣрнокислымъ эфиромъ и водою со льдомъ, при накачиваніи изъ баллона кислорода, дыханіе стало возстанавливаться. Этимъ моментомъ воспользовался Духовникъ Протопресвитеръ Бажановъ и пріобщилъ Его Величество Святыхъ Таинъ. Сцена была въ высшей степени трогательная и умилительная. Казалось, надежды воскресли. Помчались въ Конюшенный Госпиталь за снарядомъ для переливанія крови. Судьба судила иначе. Боткинъ сталъ замѣчать постепенное ослабленіе сердечныхъ тоновъ. Дыханіе сдѣлалось поверхностное, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже и рѣже. Наконецъ въ 3 часа 35 минутъ дыханіе совсѣмъ замерло. Всѣ члены Императорскаго Дома, присутствующіе въ Петербургѣ, были у постели Августѣйшаго Шефа Семьи.

Слагая эти извѣстія, мы видимъ, что они еще полны неточностей и какъ бы противорѣчій при изложеніи фактической стороны печальнаго событія. Иначе и быть не могло при всеобщемъ опѣмѣніи умовъ. Каждый ловилъ слова на лету и дѣлился ими съ другими, не стараясь, да и не имѣя силъ повѣрять ихъ. Корреспондентъ Московскихъ Вѣдомостей такъ возстановляетъ его достовѣрную фактическую обстановку: «перваго марта, когда въ половинѣ втораго часа по полудни послѣдовалъ первый взрывъ, разорвавшій на части кузовъ царской кареты и ранившій нѣсколько конвойныхъ, Государь, при помощи полковника Дворжицкаго, вышелъ изъ кареты. На вопросъ послѣдняго, не раненъ ли Его Величество, отвѣчалъ отрицательно. Осѣнивъ Себя крестнымъ знаменіемъ, Государь, какъ сообщалось, пожелалъ видѣть пострадавшихъ и задержаннаго преступника на мѣстѣ преступленія. Дворжицкій склонялъ Государя отказаться отъ намѣренія, ибо преступникъ вооруженъ, но Государь настоялъ на своемъ. Тогда Дворжицкій повелъ Государя прямо по направленію къ преступнику, за-

державному конвойнымъ казакомъ, при помощи проходившихъ трехъ крестьянскихъ мальчиковъ. Государь, подойдя почти въ упоръ къ преступнику и всмотрѣвшись въ его лице, приказалъ злодѣя не трогать, а немедленно отправить къ Градоначальнику. Затѣмъ Государь направился обратно къ экипажу, видимо успокоенный послѣ грозившей опасности, и сказалъ Дворжицкому о желаніи возвратиться въ его саняхъ во Дворецъ. Едва Дворжицкій успѣлъ подбѣжать къ санямъ, чтобы помочь Государю сѣсть въ сани, какъ раздался второй роковой взрывъ. Когда Государь упалъ, къ Нему тотчасъ же подбѣжалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, по звуку перваго взрыва выбѣжавшій изъ Дворца Великой Княгини Екатерины Михаиловны».

По приведеніи въ положительную извѣстность, число жертвъ катастрофы достигаетъ четырнадцати. Всѣ жертвы, за исключеніемъ полковника Дворжицкаго, доставленнаго въ свою квартиру въ извозщичьихъ саняхъ, препровождены въ ближайшій придворный госпиталь Конюшеннаго вѣдомства. Рядовой, конвойный казакъ Малевичъ, доставленный въ началѣ агоніи, скончался спустя десять минутъ. Другой раненый, доставленный въ безсознательномъ состояніи, скончался восемь часовъ спустя. Личность послѣдняго, не смотря на сдѣланныя усилія, не удостовѣрена. Въ виду нѣкоторыхъ признаковъ предполагаютъ, что неизвѣстный являлся соучастникомъ злодѣянія. На лицо ему не болѣе 28 лѣтъ; на головѣ курчавые темнорыжеватые волосы; лице круглое, съ выразительными чертами, обрамлено коротко обстриженной бородой. Затѣмъ остаются въ госпиталѣ четверо пострадавшихъ и признанныхъ тяжело ранеными: полицейскій поручикъ Максимовъ, получившій ушибъ праваго глаза и раны всей лѣвой и верхней оконечности съ глубокими кровоподтеками; околоточный надзиратель Галактіоновъ, лишившійся лѣваго глаза; ординарецъ конвойный казакъ, бывшій на козлахъ царской кареты, Мачневъ получилъ ушибы, раны обѣихъ вѣкъ и глазъ и рану колотую въ груди, на животѣ 17 ранъ; крестьянскій 16-лѣтній мальчикъ Максимовъ, несшій корзину съ провизіей, раненъ въ високъ съ поврежденіемъ мозговой артеріи; положеніе мальчика безнадежно. Остальные семь: конвойные казаки Сошинъ, Алепниковъ, Козменко, Сагеевъ и крестьянскіе мальчики Бозеринъ, Люценко и Дьяконовъ, ранены относительно легко; по мнѣнію врачей, подаютъ надежду на исцѣленіе. Страдальцы пользуются безукоризненнымъ уходомъ, по роковой случай-

ности занимая тѣ кровати, на которыхъ лежали страдальцы финляндцы, изувѣченные пятаго февраля прошлаго года при взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ.

По мѣрѣ распространенія подробностей катастрофы усиливался и вопль народа Русскаго. Уже пишутъ въ одной газетѣ: «мы видѣли молодыхъ дѣвушекъ съ блѣдными, опухшими отъ слезъ личиками, на колѣняхъ молившихся объ упокоеніи свѣтлой, отлетѣвшей души; мы видѣли дѣтей, истерически рыдавшихъ на панихидахъ; мы знаемъ примѣры, гдѣ маленькія 10-ти, 11-ти лѣтнія дѣти предлагали жертвовать лакомствами и игрушками, чтобы «сложиться на вѣнокъ». «Въ этомъ общемъ порывѣ, въ этой общей преданной, благоговѣйной любви къ дорогому праху, тутъ же замѣчено, лежитъ великій залогъ великаго будущаго». (Рус. газ., № 43).

Но продолжаемъ выяснять событіе подлинными словами очевидцевъ, то случайно, то несчастнымъ образомъ сдѣлавшихся свидѣтелями его.

Полковникъ Дворжицкій разсказалъ:

Проѣзжая мимо забора Михайловскаго сада, по Екатерининскому каналу, и не доѣзжая до Театральнаго моста, я вдругъ услышалъ оглушительный ударъ и увидѣлъ бѣлый дымъ, на нѣсколько мгновеній застлавшій всю мѣстность. Слышны были дребезжаніе и паденіе массы стеколъ. Лошади кареты Государя и мои остановились. Я выскочилъ изъ саней, и видя, что карета Государя повреждена, а Его Величество отворяетъ дверцы, я бросился отворять ихъ. Государь вышелъ и перекрестился. Первымъ вопросомъ Его Величества было:

— Схваченъ ли преступникъ?

Я оглядѣлся и, видя, что въ толпѣ уже держатъ какого-то человѣка, отвѣчалъ:

— Схваченъ, Ваше Величество! и при этомъ сказалъ: Государь, благоволите сѣсть въ мои сани и ѣхать немедленно во дворецъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Его Величество, но прежде покажи мнѣ преступника.

И Государь направился къ молодому человѣку, котораго держали за руки, и спросилъ его фамилію.

Я не разслышалъ фамиліи преступника и только торопилъ Государя ѣхать. Его Величество вновь отвѣчалъ:

— Хорошо, но прежде покажи мнѣ мѣсто взрыва.

Его Величество подошелъ къ образовавшейся ямѣ. На Его лицѣ была улыбка. Онъ видимо былъ весь подъ вліяніемъ благодарности къ Божественному Промыслу, какъ въ этотъ моментъ произошло нѣчто необычайное. Раздался новый ударъ сильнѣе перваго. Я, пораженный въ спину, упалъ прямо на руки, но въ моментъ паденія услыхалъ стонущій голосъ, говорившій:

— Помогите.

Вскочивъ на ноги, я увидѣлъ Государя, лежащаго на землѣ, но лежащаго въ полусидячемъ положеніи. Онъ опирался рукою, тяжело дышалъ и видимо старался приподняться. Собравъ всѣ силы, я сталъ поднимать Государя, и глазамъ моимъ представилась ужасающая, леденящая душу картина: ноги Его Величества ниже колѣнъ были раздроблены. Не было ни брюкъ, ни сапогъ, ни кальсонъ, а виднѣлась окровавленная масса, состоящая изъ мяса, кожи и костей. Кровь лилась страшно.

Я крикнулъ на помощь. Бросились многіе изъ толпы, но большинство ихъ были ранены. Въ это мгновеніе подъѣхалъ Его Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, и Его Величество былъ положенъ въ мои сани и перевезенъ въ Зимній дворецъ. Когда Его Величество былъ внесенъ во дворецъ, то изъ саней была кровь вылита,—такая масса вышла ея изъ ранъ Государя Императора.

Затѣмъ, когда Государь былъ увезенъ, мнѣ сдѣлалось дурно.

Штабсъ-Капитанъ кадроваго баталіона гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка Новиковъ, несшій раненаго Государя, о послѣднихъ Его часахъ разсказываетъ: На разводѣ были баталіонъ Гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка и гвардіи саперный баталіонъ. Государь былъ доволенъ разводомъ и находился, повидимому, въ хорошемъ настроеніи. Новиковъ съ двумя товарищами, изъ Манежа пошли по Невскому. Подойдя къ Казанскому мосту, они услышали сильный выстрѣлъ. Новиковъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, бросился бѣжать по набережной Екатерининскаго канала къ мѣсту, откуда послышался выстрѣлъ. Ему оставалось шаговъ 30—35 до мѣста, гдѣ виднѣлась группа людей, какъ поднялся густой столбъ снѣга и обломковъ и раздался новый выстрѣлъ. Онъ побѣжалъ еще быстрѣе. Матросы 8 флотскаго экипажа держали какого-то человѣка, что-то крикнули, но онъ не слыхалъ. Снѣгъ былъ взрытъ и усѣянъ осколками и ранеными: лежалъ ра-

неный мальчикъ, раненый конвойный, еще кто-то, на снѣгу Государь, безъ шапки, безъ шинели, въ мундирѣ сапернаго батальона. Ноги Его были изломаны, одежда мѣстами изорвана, кровь текла изъ ногъ, кровавыя пятна были на снѣгу. Новиковъ заплакалъ и бросился къ Государю со словами: «Боже мой! Что сдѣлали съ Вашимъ Величествомъ?» Государь лежалъ недвижимъ. Подошли матросы флотскаго экипажа. Съ ихъ помощью Новиковъ поднялъ Государя, обхвативъ правою рукой по таліи, лѣвою по груди. Матросы поддерживали ноги, не выпуская изъ рукъ ружей, съ которыми они шли. Такъ прошли нѣсколько шаговъ. Государь сказалъ раза два: «Холодно, холодно», и старался поднять руку ко лбу, на которомъ была кровь. Новиковъ, поддерживая Государя на одной рукѣ, сталъ другою доставать платокъ изъ кармана, чтобы обвязать имъ голову Государя. Въ это самое время подъѣхалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, «Саша, какъ Ты Себя чувствуешь?» сказалъ онъ, наклоняясь къ лицу Государя. Что сказалъ Государь въ отвѣтъ, трудно было разслышать, но Онъ что-то сказалъ. Ни одного стона не вырвалось у Него изъ груди. Великій Князь велѣлъ матросамъ бросить ружья и, снявъ съ кого-то фуражку, надѣлъ ее на голову Государя. Его понесли дальше. Народъ собирался со всѣхъ сторонъ. Многіе падали на колѣни, крестились и плакали. Положить негдѣ было Страдальца. Лошади полковника Дворжицкаго, въ испугѣ отъ выстрѣла, бросились къ Театральному мосту, и штабсъ-капитанъ кадроваго баталіона Франкъ побѣжалъ за ними. Возлѣ стояли извощичьи сани, но на нихъ трудно было везти раненаго. Новиковъ обратился къ Великому Князю съ просьбой разрѣшить внести Государя въ домъ, находившійся тотчасъ за мостомъ, чтобы сдѣлать перевязку. Государь очевидно не терялъ сознанія при страшныхъ страданіяхъ; услышавъ эту фразу, Онъ произнесъ внятно: «Несите во дворецъ», еще что-то, что трудно было разобрать. Эти слова были послѣднимъ усиліемъ Страдальца. Онъ сомкнулъ уста, закрылъ глаза и не произнесъ болѣе ни слова..... Подъѣхали лошади Дворжицкаго. Государя посадили въ сани. Съ обѣихъ сторонъ Его поддерживали. Онъ сидѣлъ облокотившись, закидывая или опуская голову. Сначала ѣхали шагомъ, но силы Государя оставляли Его. Приказано было ѣхать быстро. Сани понеслись. Государь былъ внесенъ во Дворецъ.

Унтеръ-офицеръ 8-го флотскаго экипажа, который шелъ съ

развода и который первый подоспѣлъ на мѣсто катастрофы, говоритъ:

— Мы первые подоспѣли къ мѣсту взрыва, говорилъ унтеръ-офицеръ. Царь только что вышелъ въ это время изъ кареты, у которой болѣе трети ея было вырвано взрывомъ, а мы подходили уже къ ней. Царь въ это время приближался къ панели набережной. Вдругъ новый взрывъ и..... Царь упалъ!.... Мы подоспѣли къ Нему и уложили въ сани; чьи онѣ, не знаю. Когда укладывали Его туда, то Онъ, приподнявъ голову, обратился ко мнѣ: «Дай, матросикъ, свой платокъ и положи Мнѣ на голову»..... А изъ головы струилась кровь.

— Ваше Величество, у меня платокъ очень грязный, и я не могу Вамъ его предложить.....

— Ничего, матросикъ, давай..... Положи Мнѣ его на голову и прикрой глаза.....

Царь въ это время какъ бы забылся, а потомъ, очнувшись нѣсколько, спросилъ:

— А гдѣ Мой Наслѣдникъ-то? Живъ Онъ?

— Живъ, Ваше Величество.

Царь перекрестился и сказалъ:

— Ну, слава Богу!.... Везите Меня.....

Въ дополненіе словъ Полицеймейстера Полковника Дворжицкаго Помощникъ частнаго пристава Капитанъ Георгій Степановъ сообщаетъ:

Тотчасъ послѣ втораго взрыва, я отъ дома г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ (отъ Цѣпнаго Пантелеймоновскаго моста) былъ посланъ господиномъ С.-Петербургскимъ градоначальникомъ, на лошадяхъ его превосходительства, узнать, что случилось. Я прибылъ на мѣсто происшествія въ тотъ самый моментъ, когда раненаго Государя Императора, на саняхъ полковника Дворжицкаго, везли шагомъ черезъ Театральный мостикъ. Быстро повернувъ лошадей, я поскакалъ обратно, чтобы доложить. Но у Лѣтняго сада я встрѣтилъ уже шедшаго ко мнѣ на встрѣчу г. градоначальника, который, выслушавъ меня, поспѣшилъ къ мѣсту происшествія. Я пересѣлъ на извощичьи сани и бросился вслѣдъ за его превосходительствомъ. Прибывъ на Театральный мостикъ, я увидѣлъ полковника Дворжицкаго, окруженнаго толпой. Многія женщины плакали. Онъ стоялъ у извощичьихъ саней, безъ шапки; шинель свалилась на одно плечо, лицо и губы были забрызганы

кровью, изъ-за лѣваго уха и изъ затылка сильно сочилась кровь, а правая рука въ кисти и вся перчатка совершенно была залита запекшеюся кровью. Ухватившись за задокъ саней, онъ силился сѣсть въ сани, но не могъ, потому что правой рукой не владѣлъ. Подбѣжавъ къ г. Дворжицкому, я надѣлъ на него шинель, окуталъ и усадилъ въ сани; снявъ съ себя шапку, накрылъ ею его голову, а самъ схватилъ шапку съ какого-то подбѣжавшаго ко мнѣ околодочнаго надзирателя. Послѣ этого я повезъ полковника домой. Едва мы двинулись съ мѣста, какъ онъ крикнулъ извощику: «пошелъ въ Аничкинъ дворецъ, нужно доложить Цесаревичу», но, сильно застонавъ, «нѣтъ, не могу, рука ломитъ, везите меня скорѣе домой». Послѣ этого, съ нимъ сдѣлалось дурно, но, подъ вліяніемъ свѣжаго встрѣчнаго вѣтра, онъ скоро пришелъ въ себя, и мы пріѣхали въ его квартиру въ Казанскую часть, гдѣ, какъ на грѣхъ, не оказалось дома по близости живущихъ докторовъ. Съ смотрителемъ части г. Салановымъ я успѣлъ промыть большія раны и наложить на нихъ холодные компрессы.

Другое такое же оффиціальное лицо, Помощникъ пристава, поручикъ Максимовъ, бывшій свидѣтелемъ катастрофы и ранѣе другихъ подбѣжавшій къ покойному Государю, дополняетъ: «покойный Государь изволилъ выѣхать изъ дворца въ Михайловскій манежъ, направляясь по Мойкѣ чрезъ Пѣвческій и Театральный мосты. Максимовъ проводилъ Государя въ предѣлахъ своего участка между этими мостами. Затѣмъ остановился у Театральнаго моста ожидать возвращенія Его. Около трехъ четвертей втораго, Государева карета показалась на углу Инженерной улицы, затѣмъ слѣдуя по направленію къ Театральному мосту; на нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдняго, вдругъ раздался страшный взрывъ,— клубы синяго дыма покрыли карету. Максимовъ инстинктивно бѣгомъ бросился съ своего мѣста къ мѣсту происшествія. Максимовъ подбѣжалъ къ каретѣ, когда покойный Государь выходилъ уже изъ нея. Въ понятномъ волненіи, Государь шатался; Максимовъ и полковникъ Дворжицкій поддерживали Его. Устремивъ свои взоры на какого-то человѣка, должно быть Рысакова, котораго держали солдаты, Государь прерывисто сказалъ: «Это ты? Возьмите его подъ арестъ». Съ этими словами Онъ повернулся и направился къ раненому казаку. Тутъ раздался новый страшный взрывъ. Максимовъ упалъ одновременно съ Государемъ и полковникомъ Дворжицкимъ. Онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ очнулся черезъ нѣ-

которое время, то увидѣлъ кругомъ суматоху, но не можетъ забыть окровавленныхъ и изувѣченныхъ ногъ Государя. Онъ подползъ къ периламъ набережной, съ усиліемъ всталъ на ноги. Но тутъ одинъ Преображенскій офицеръ взялъ его отвезти въ придворный госпиталь, какъ оказалось, по приказанію Великаго Князя Михаила Николаевича. Максимовъ сильно контуженъ и раненъ въ лѣвую руку и лѣвую ногу; правая рука испещрена мелкими легкими ранами, какъ-бы наколами иглы; лицо также изранено; глаза остались цѣлы, но у праваго сильный подтекъ. Вся одежда въ которой онъ былъ во время катастрофы, разорвана на клочки, шашка съ эфесомъ сплющена. Вмѣстѣ съ поручикомъ Максимовымъ, на посту, на Театральномъ мосту, находился околоточный надзиратель перваго участка, Казанской части, Егоръ Галактіоновъ, который одновременно съ Максимовымъ бросился за нимъ по направленію къ каретѣ покойнаго Государя послѣ перваго взрыва. Галактіоновъ раненъ въ лѣвую руку и лишился лѣваго глаза. Онъ находится теперь въ придворномъ госпиталѣ.

Вотъ разсказы и другихъ лицъ, помимо желанія сдѣлавшихся очевидцами того, чего не хотѣли бы ни сами видѣть, ни другимъ пересказывать. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи резервнаго баталіона Рудаковскій говоритъ:

«Возвращаясь съ развода и подходя къ Театральному мосту, я услыхалъ сильный взрывъ, и догадываясь, въ чемъ дѣло, бросился бѣжать къ мѣсту происшествія. Перебѣжавъ Театральный мостикъ, я увидѣлъ остановившуюся карету Государя, около деревянныхъ воротъ каменнаго забора сада Михайловскаго дворца. Наискось воротъ, у рѣшетки канала, образовалась кучка людей, задержавшая преступника. Запыхавшись отъ бѣга, я и кто-то изъ Преображенскихъ офицеровъ, шагахъ въ десяти отъ кучки, подбѣжалъ къ Государю и, не узнавъ сзади Его Величество, обратились съ вопросомъ: Что съ Государемъ? Его Величество оглянулся и, продолжая идти, перекрестясь, сказалъ: «Слава Богу, Я уцѣлѣлъ, но вотъ»..... Около кареты лежалъ раненый казакъ; невдалекѣ кричалъ раненый мальчикъ. Услыхавъ слова Его Величества, преступникъ замѣтилъ: «Еще слава-ли Богу»! Его держали два матроса 8-го флотскаго экипажа, одинъ Преображенскій солдатъ, лейбъ-гвардіи резервнаго батальйона штабсъ-капитанъ Франкъ и еще нѣсколько человѣкъ. «Кто такой?» спросилъ Государь. Кто-то отвѣтилъ, что мѣщанинъ (сколько мнѣ помнится) Грязовъ. Онъ

невысокаго роста, лѣтъ 16-ти или 17-ти, съ длинными русыми волосами и довольно глуповатымъ и грубымъ лицомъ. Только-что вырванный изъ его рукъ револьверъ дымился. «Есть и еще», сказалъ онъ; его обыскали и нашли въ карманахъ кинжалъ. Собравшійся на противоположной сторонѣ канала народъ кричалъ: «изъ-за забора стрѣляли». Я подбѣжалъ къ подходившему караулу 8-го флотскаго экипажа, приказалъ разбить ворота прикладами и осмотрѣть садъ, что и было исполнено, а самъ повернулъ обратно къ Государю, отошедшему въ это время вдоль рѣшотки канала шаговъ на 20, въ сопровожденіи полковника Дворжицкаго. Я былъ за нимъ шагахъ въ 10-ти. Раздался страшный трескъ. Масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла все на нѣсколько секундъ. Крикъ ужаса раздался съ противоположной стороны канала.

«Государь упалъ. Одновременно со мной, подбѣжалъ штабсъ-капитанъ Новиковъ, подбѣжали моряки, остальныхъ не разглядѣлъ. Когда мы приподняли Государя, оказалось: ноги совсѣмъ голыя, мясо виситъ клочьями, ступня одной ноги совсѣмъ оторвана.

«Въ это время подбѣжалъ Его Высочество Михаилъ Николаевичъ. «Холодно, холодно», очень слабымъ голосомъ проговорилъ Государь.

Штабсъ-капитанъ Новиковъ обратился къ Его Высочеству съ предложеніемъ внести Государя въ ближайшій домъ для оказанія помощи. Государь услыхалъ и уже совсѣмъ слабымъ голосомъ проговорилъ: «Во дворецъ, тамъ хочу умереть».

«Помѣстить Его Величество въ карету было невозможно; мы стали звать сани полицеймейстера, но они оказались у Театральнаго моста. Штабсъ-капитанъ Франкъ побѣжалъ за ними и привелъ. Государя помѣстили въ нихъ, укутали шинелью кого-то изъ гг. офицеровъ и повезли.

«Между первымъ покушеніемъ и вторымъ прошло около трехъ минутъ. Чѣмъ были произведены взрывы, опредѣлить трудно, а также и то обстоятельство, откуда и какъ былъ сдѣланъ второй взрывъ, потому что быстро образовавшаяся масса дыма все закрыла».

Подпоручикъ Крахоткинъ, 139-го пѣхотнаго Моршанскаго полка, 27-ми лѣтъ, женившійся всего мѣсяцъ тому назадъ, сообщилъ: «возвращался я домой съ Конюшенной чрезъ Театральный мостъ, везя на извощикѣ связку разныхъ книгъ, числомъ около 40, взятыхъ имъ у знакомыхъ для подготовки къ вступительному экзамену въ военную академію; какъ разъ въ это мгновеніе раздался пер-

вый взрывъ. Поручикъ тотчасъ же выскочилъ изъ саней, оставивъ книги извощику, и поспѣшилъ бѣгомъ къ царской каретѣ, отворилъ ея дверцы и помогъ Государю выйти. Его Величество, въ сопровожденіи Крахоткина, направился къ кучкѣ людей, окружавшей преступника, и Крахоткинъ слышалъ, какъ Государь сказалъ: «Это онъ! хорошо! хорошо!» Вернувшись, Государь сталъ на тротуарѣ набережной, облокотясь на желѣзную рѣшетку, и освѣдомился о раненыхъ; поручикъ Крахоткинъ стоялъ въ то время въ 2-хъ шагахъ, обратившись лицомъ къ Государю. Въ это время послѣдовалъ страшный взрывъ; онъ почувствовалъ, что приподнятъ на воздухъ и, умирая, несется прямо на небо, что въ извѣстной степени порождало въ немъ пріятное ощущеніе. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что лежитъ на землѣ, что голова и лицо его въ крови и окружающіе старались смыть и стереть эту кровь. Онъ всталъ на ноги, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ кучѣ людей, окружавшихъ Государя; видѣлъ, какъ его подняли, съ раздробленными голенями, и при этомъ ему страннымъ образомъ почудилось, что это не Государь, а давно въ Бозѣ почившій великій князь Михаилъ Павловичъ. Въ это мгновенье онъ лишился сознанія и, придя въ себя, уже очутился въ саняхъ рядомъ съ городовымъ, который повезъ его въ Маріинскую больницу. Голова его была обвязана нѣсколькими платками, такъ какъ шапка его, а также и книги до сихъ поръ не найдены. Три часа спустя его посѣтилъ докторъ Вреденъ и опредѣлилъ слѣдующіе виды контузіи: поврежденіе верхней части лѣвой ушной раковины маленькимъ осколкомъ бомбы, звѣздообразный разрывъ лѣваго барабана, причинившій кровоизліяніе, полную глухоту лѣваго уха и ослабленіе слуха въ правомъ. Вообще его состояніе устраняетъ пока опасеніе о возможныхъ въ будущемъ послѣдствіяхъ сотрясенія мозга, но глухота лѣваго уха останется, и воспалительное состояніе его причинитъ еще не мало страданій этой жертвѣ человѣческой злобы».

Къ этому разсказу *Новое Время* прибавляетъ, что поручикъ Крахоткинъ въ тотъ же день былъ доставленъ на свою квартиру (уголъ Литейной и Бассейной, № 1), гдѣ находится и теперь. Поврежденія въ ухо имъ получены незначительныя».

Капитанъ Кохъ, начальникъ охранной стражи Его Величества, организованной послѣ покушенія 4 Апрѣля 1866 года, вступившій въ эту должность съ 2-го апрѣля 1879 года съ тѣхъ поръ, какъ онъ, послѣ третьяго выстрѣла Соловьева, ударомъ сабли

отклонилъ дальнѣйшее выполненіе злодѣйскаго замысла, разсказываетъ:

Въ роковой день 1 марта Кохъ слѣдовалъ въ одиночныхъ саняхъ непосредственно за Дворжицкимъ, при чемъ получилъ контузію въ голову и глухоту лѣваго уха вслѣдствіе прорыва барабанной перепонки. Вотъ какъ разсказываетъ Кохъ подробности катастрофы: Когда раздался первый взрывъ, я выскочилъ мгновенно изъ саней и остановился, чтобъ осмотрѣться вокругъ и убѣдиться, что сталось съ Государемъ Императоромъ; завидя, что Государь выходитъ изъ полуразрушенной кареты и что около него находятся нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ Дворжицкій, я побѣжалъ по направленію къ Его Величеству, но, не успѣвъ отбѣжать и десяти шаговъ, я замѣтилъ бѣгущаго мнѣ на встрѣчу по тротуару канала, въ направленіи къ Невскому, молодаго человѣка, напоминающаго костюмомъ мелкаго прикащика, съ опущенною въ правый карманъ рукою. Я моментально бросился на него, схватилъ лѣвою рукой за воротникъ пальто, а правою обнажилъ шашку для отклоненія новаго покушенія и огражденія преступника отъ расправы разъяренной толпы. Одновременно нѣсколько людей также схватили преступника. Онъ былъ буквально прижатъ къ рѣшеткѣ канала. Я тотчасъ обратился къ преступнику съ вопросомъ: «Это ты произвелъ взрывъ?—«Я, ваше благородіе; я произвелъ взрывъ», отвѣтилъ онъ, взглянувъ въ мою сторону. На вопросъ о фамиліи, онъ назвалъ себя мѣщаниномъ Грязновымъ. Въ этотъ моментъ, то есть, спустя не болѣе двухъ минутъ по задержаніи преступника, Государь приближался бодрыми шагами чрезъ толпу, въ сопровожденіи Дворжицкаго и нѣсколькихъ лицъ, прямо къ назвавшему себя Грязновымъ. Еще нѣсколько ранѣе были выхвачены изъ кармана преступника револьверъ и кинжалъ въ чехлѣ. Когда Государь, направляясь къ преступнику, былъ въ разстояніи отъ него не болѣе трехъ шаговъ, то обратился ко мнѣ съ вопросомъ, указавъ взглядомъ на преступника: «Этотъ?»—«Называетъ себя Грязновымъ, Ваше Величество», отвѣтилъ я. Приблизясь еще на одинъ шагъ къ преступнику, Государь твердымъ голосомъ, показавшимъ полное спокойствіе и самообладаніе, произнесъ, взглянувъ въ лицо задержанному: «хорошъ»! Это слово укоризны было послѣднимъ словомъ Государя до послѣдовавшаго затѣмъ втораго роковаго взрыва. Произнеся приведенное слово, Государь круто повернулся назадъ и направился къ экипажу. Не прошло и одной минуты, какъ воздухъ

огласился страшнымъ ударомъ, отъ котораго я на нѣсколько мгновеній потерялъ сознаніе. Придя немного въ себя, но еще оглушенный и чувствуя сильную головную боль, я побѣжалъ безсознательно по направленію къ царскому экипажу, въ шинели, истерзанной въ клочки, съ оторванною саблей, безъ отлетѣвшихъ отъ мундира орденовъ. Царскій кучеръ Флоръ на мой вопросъ о Государѣ отвѣтилъ: «Государь раненъ». При взглядѣ затѣмъ лѣвѣе экипажа, глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина: Государь, опустивъ руки какъ бы машинально на плечи лицъ, Его поддерживавшихъ, былъ мертвенно блѣденъ: голова держалась совершенно прямо, но по лицу струилась кровь. Открытые глаза выражали глубокія страданія. Обѣ ноги обнажены и окровавлены; кровь ручьями лилась на землю. Обезумѣвъ отъ ужаса, я бросился въ первыя попавшіяся у Театральнаго моста сани и полетѣлъ къ графу Лорисъ-Меликову доложить о случившемся. У подъѣзда я встрѣтилъ выходившаго генералъ-адъютанта Рылѣева, который по моему окровавленному лицу, по шинели, представлявшей одни клочки, и деньщичьей шапкѣ на головѣ, догадался, что случилось нѣчто необычайное, и съ ужасомъ выслушалъ роковую вѣсть. Столь же ужасно поразила эта вѣсть графа Лорисъ-Меликова, бывшаго у него предсѣдателя Комитета министровъ Валуева и другихъ лицъ.

6-го марта въ «Новое время» получено нижеслѣдующее письмо отъ очевидца преступленія 1-го марта, г. А. Шенберга, существенно дополняющее извѣстныя уже подробности, а также сообщающее и новыя.

«Я увѣренъ, что вы не откажетесь дать мѣсто на столбцахъ вашей уважаемой газеты тѣмъ нѣсколькимъ свѣдѣніямъ, касающимся ужаснаго событія, очевидцемъ котораго я лично былъ.

«Находясь случайно въ перчатномъ магазинѣ Бойе, въ домѣ на углу Екатерининскаго канала и Невскаго, и готовясь выйти изъ него, я и хозяйка магазина вдругъ были поражены сильнымъ ударомъ, какъ бы изъ пушки: стѣны магазина задрожали. Я немедленно выбѣжалъ изъ магазина, сѣлъ на поджидавшаго меня извощика и видя, что народъ на Казанскомъ мосту въ недоумѣніи смотритъ по направленію послышавшагося выстрѣла, приказалъ извощику ѣхать, какъ можно скорѣе, по набережной канала.

«Не успѣлъ мой извощикъ поравняться съ угломъ Инженерной улицы, какъ громовой ударъ разразился передъ моими глазами и густой столбъ дыма застлалъ передо мной всю мѣстность. Лошадь

извощика кинулась въ сторону, я же соскочилъ съ саней и бросился по направленію еще не разсѣявшагося дыма. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ моимъ глазамъ представилась раздирающая картина. На встрѣчу мнѣ двое лицъ вели, поддерживая подъ мышцы, страшно изуродованнаго городоваго, съ лица котораго кровь лилась ручьями; ни извощиковъ, ни народу въ эту минуту не было. Поровнявшись съ заборомъ сада Екатерины Михаиловны, я видѣлъ, какъ нѣсколько юнкеровъ Павловскаго училища, обагренные кровью, бѣжали по направленію къ Казанскому мосту. На мой вопросъ, что случилось, они въ отчаяніи крикнули мнѣ: «Государь..... раненъ..... безъ ногъ»!.... Пораженный, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ; передо мной головами къ рѣшеткѣ канала лежали два умирающихъ—съ лѣвой стороны мальчикъ съ страшно обезображеннымъ лицомъ и зіяющей раной на вискѣ, полуоткрывалъ и закрывалъ глаза; съ правой—плотный мужчина съ бородой, съ окровавленной головой, съ разбитыми ногами, безъ сапогъ. Страшные глаза его, налитые кровью, смотрѣли на мальчика. (Какъ это выяснилось теперь, это и былъ злодѣй, бросившій второй роковой метательный снарядъ). Между ними плита панели была взорвана, и на этомъ-то самомъ мѣстѣ между невинной жертвой, привлекшей милосердное вниманіе Царя-человѣка, и гнуснымъ извергомъ, палъ нашъ Отецъ, нашъ Освободитель. По положенію тѣла умирающаго убійцы, которое у меня ясно запечатлѣлось, вѣрнѣе всего предположить, что онъ подошелъ къ Государю сзади (слѣдовательно онъ во время перваго взрыва находился у забора сада Великой Княгини, въ то время, какъ Рысаковъ находился у рѣшетки канала), когда Императоръ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, подходилъ къ раненому мальчику. Тутъ только злодѣй бросилъ подъ ноги Царя адскій снарядъ, которымъ и его самого отбросило къ рѣшеткѣ, между тѣмъ какъ Императоръ упалъ, обливаясь кровью, между преступникомъ и мальчикомъ. Въ то время, когда я и прибѣжавшіе околодочные, съ нѣкоторыми изъ присутствующихъ бросились за извощиками, чтобы отвезти раненыхъ мальчика и мужчину, которыхъ мы сами и укладывали, я замѣтилъ на льду канала нѣсколько лицъ, одѣтыхъ дворниками съ метлами, которые потомъ куда-то всѣ исчезли. Въ попыхахъ полиція не обратила на нихъ вниманія. Отправивъ раненыхъ, мы начали складывать поднятыя нами вещи. Распространено мнѣніе, что карета Государя не особенно пострадала, и что въ ней можно было ѣхать дальше; куски

кареты, которые я едва могъ удержать обѣими руками, показываютъ невѣрность этого слуха. Около умирающаго убійцы я наткнулся на металлическую оправу изящнаго портсигара, совершенно растрепаннаго, причемъ самая оправа совершенно изогнута. Кому принадлежалъ этотъ портсигаръ—конечно неизвѣстно, но какова была сила взрыва, вырвавшаго изъ-подъ сюртука и мѣховаго пальто или шубы такой маленькій предметъ! Отъ человѣка, которому принадлежалъ этотъ портсигаръ, вѣроятно и слѣдовъ не осталось.

«Спустя нѣкоторое время къ мѣсту катастрофы подоспѣлъ комендантъ, ген.-м. Адельсонъ. Въ его сани мы помогли сѣсть князю Крапоткину, молодому офицеру, который, будучи контуженъ, совершенно оглохъ. Вслѣдъ за комендантомъ пріѣхалъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ. Растроганный до слезъ, онъ не могъ смотрѣть на злополучное мѣсто и прямо направился во дворецъ.

«Только часъ спустя послѣ катастрофы, пришелъ взводъ Павловцевъ и оцѣпилъ мѣсто, ставшее съ этого дня историческимъ и священнымъ для памяти благодарнаго народа».

Прочитаемъ и безъискуственный разсказъ мальчика обойщика Ѳеодора Петрова Дьяконова, несшаго съ товарищами кушетку мимо того мѣста, гдѣ нужно было случиться печальному событію. Онъ тоже былъ раненъ вмѣстѣ съ другими, но гораздо легче прочихъ.

«Шли мы втроемъ, разсказываетъ онъ, я и два товарища. Николаевъ, раненный тоже, и другой, оставшійся цѣлъ; несли оттоманку; шли отъ Театральнаго моста по набережной Екатерининскаго канала мимо Михайловскаго сада къ Невскому. Только что мы поклонились проѣхавшему Государю, какъ вдругъ страшный выстрѣлъ, точно изъ пушки; мы поставили оттоманку, оглянулись: дымъ покрывалъ улицу, шагахъ въ сорока въ дыму стояла карета, была ли она сломана, не видать было. Бомба упала по срединѣ улицы. Мы стоимъ: страшно стало; вдругъ бѣжитъ по срединѣ улицы какой-то человѣкъ, молодой, бѣлокурый, въ обыкновенномъ пальто и картузѣ. Кричатъ: «держи, держи»! Съ панели на бѣгущаго кинулся какой-то штатскій и обхватилъ его. Мы кинулись тоже на него и его повалили; я тоже упалъ. Раньше народу было совсѣмъ мало. Ну, а послѣ выстрѣла (такъ Дьяконовъ называетъ взрывъ), сейчасъ набѣжало много. Прибѣжали солдаты, двое взяли преступника, котораго поставили на ноги и крѣпко держали ему руки. Пока онъ лежалъ подъ нами, подбѣжалъ пол-

ковникъ (Дворжицкій), вынулъ саблю и низко наклонился надъ преступникомъ; я думалъ, онъ ему изрубитъ голову. Когда преступника поставили на ноги, подошелъ Государь, спрашиваетъ: кто стрѣлялъ? Показываютъ преступника. Государь посмотрѣлъ на него и говоритъ: «ну, ведите.» И пошли мы всѣ туда, гдѣ стояла карета; шли ближе къ periламъ канавы. Государь шелъ почти у самыхъ перилъ, потомъ полковникъ, за ними ведутъ преступника, потомъ народъ, и я тутъ-же, не далеко отъ Государя, по срединѣ улицы. Вдругъ опять выстрѣлъ, мы всѣ попадали, меня совсѣмъ въ снѣгъ зарыло. Что дальше было, я не знаю, не помню, какъ я и выползъ, какъ меня посадили на извощика и повезли. Откуда бомба упала, изъ сада ли, хоть и далеко, все-таки долетѣла бы; изъ канавы ли кто бросилъ, нельзя было разобрать, такъ какъ это сразу вышло. А какъ ушелъ преступникъ, Богъ знаетъ. Тутъ все дымомъ завалило: свѣту Божьяго не видно было. Ему что, и первый остался цѣлъ и второй, полагать надо, кинулъ, да и въ сторону, а потомъ потолкался въ толпѣ и ушелъ. А у перваго преступника, когда мы его валили, я видѣлъ за кушакомъ много всего было: и ножъ и пистолетъ; только чтобы у него это вырвали я не видалъ; ему руки только крѣпко на крѣпко держали, а мой-то кафтанъ въ клочья изорвало, только одинъ рукавъ остался цѣлъ, а то все порвало».

И такъ, не смотря на всѣ недомолвки, неточности и даже противорѣчія извѣстій, всѣ убѣдились въ концѣ концевъ въ дѣйствительности того, чему бы и вѣрить не хотѣлось. Заплакали всѣ и теряются въ способахъ выразить свое безутѣшное горе о постигшемъ несчастіи. Вѣнки на могилу пострадавшаго въ нашемъ, сознаемся, неблагоразуміи, полились отовсюду. И ближніе и дальніе залились горькими слезами въ виду совершившагося. Нѣтъ возможности повторить всего, что было высказано предъ вѣстію о гробѣ всѣми прославленнаго, о немъ радѣвшаго и за насъ пострадавшаго Царя-отца. Мы приведемъ только особенно выдающіяся чувствованія нѣкоторыхъ изъ насъ:

«Русскій Курьеръ» приводитъ слѣдующія слова крестьянина, возлагавшаго вѣнокъ на гробъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора:

— «Какъ вамъ сказать, началъ разсказывать крестьянинъ,— я ужъ и не знаю, какимъ образомъ эта мысль зародилась, чтобы вѣнокъ подать.

«Вдругъ это вышло!.... Такъ тяжко было, такъ тяжко, что и словъ нѣтъ на это, чтобы передать..... Какъ узнали мы о томъ, что нашъ Царь-Батюшка мученическую смерть принялъ, просто остолбенѣли. Вѣрить не хотѣлось. Не можетъ этого быть!.... И все-таки это была правда!....» Голосъ разсказчика дрогнулъ и на глазахъ показалась слеза.

— «Такъ бы и полетѣлъ туда, къ гробу, упалъ бы, заплакалъ бы горючими слезами..... А что, говорю, братцы, если бы намъ вѣнокъ Ему Батюшкѣ положить, да и упередить другихъ надобно. Вѣдь это нашъ Царь былъ, крестьянскій Царь — купцамъ всегда хорошо было, а намъ только при этомъ Государѣ и дышаться-то стало. Великолѣпно—говорятъ. Только не знаемъ вѣдь мы ничего. Можно ли царямъ вѣнки класть или нельзя. У барина тутъ у одного спросили—и тотъ не можетъ ничего сказать. Постойте, говорю, братцы, я сейчасъ къ генералъ-губернатору слетаю. Доложилъ, объяснилъ какъ и что, ну тамъ и научили, чтобы въ Петербургѣ непремѣнно намъ къ градоначальнику обратиться. Сейчасъ я назадъ къ нашимъ. Старосты артельные сидятъ, артели большія—въ одной съ работниками тысячи полторы человѣкъ, въ другой почти столько-же. Всѣ рады. Мы, говорятъ, не только бездѣлицей на вѣнокъ готовы жертвовать, мы на этакое дѣло тысячи рублей не пожалѣемъ. Только чтобы это скорѣе было. Начали мы тутъ соваться туда, сюда..... Вѣнокъ заказывать, ленту покупать, надпись сейчасъ обдумывать. Закипѣло дѣло. Ночью я къ нѣмцу поѣхалъ, къ типографчику. Дѣло такое, говорю, что тутъ спать нечего. Слава Богу, скомандовали. Вѣнокъ вышелъ дивный. Въ серединѣ крестъ изъ ландышей и бѣлыхъ гіацинтовъ, пальмовые листья придѣлали, ленту въ 6 аршинъ прикрѣпили. Чудесный вѣнокъ! На станцію его намъ обѣщали привезти. Привезли къ сроку, точно. На вокзалъ насъ народъ провожалъ. Артельщики, фабричные, и всѣмъ имъ видно трогательно было. Извѣстное дѣло мужикъ тоже вѣдь чувствуетъ, только сидитъ онъ по угламъ, ахаетъ да охаетъ, а чтобы самому пойдти или упередить кого—боится. Ну а намъ Богъ далъ смѣлости—мужикъ стало быть и радъ..... Сейчасъ это мы къ оберъ-кондуктору: позвольте, говоримъ, вѣнокъ внести въ вагонъ. Не въ багажъ его же сдавать—помнутъ тамъ, опять холодъ, опустится листъ, пожелтѣетъ.

— Никакъ, говоритъ, невозможно—правила такого нѣтъ. Ахъ, ты Боже мой! — думаемъ себѣ—этакое дѣло и никакого исключе-

нія..... Мы къ начальнику—искать, искать, а въ это самое время подходитъ къ намъ какой-то человѣкъ. Вы, говоритъ, отъ крестьянъ будете? Мы — что, вамъ угодно? Вотъ, говоритъ, генералъ Арановъ очень бы желалъ возложить вѣнокъ отъ своей супруги на гробъ Государя, только, кондукторы не берутся его доставить — потому что во дворецъ никого не допускаютъ. Глядимъ, — при вѣнкѣ пакетъ къ дворцовому коменданту, генералу Рылѣеву и карточка генерала Арапова. Взяли. Побѣжали начальство просить насчетъ вѣнковъ. Не тутъ то было! — Нельзя, говорятъ, этакихъ громоздкихъ вещей въ вагонъ допускать. Да вѣдь это, говоримъ, на гробъ Государя. Просили, просили—смиловались. Приказали вѣнки эти свѣшать; взяли съ насъ 1 р. 47 копѣекъ что ли, не помню хорошо. Тащите, говорятъ. Обрадовались мы этому, понесли. Въ вагонѣ, какъ узнали, что мы веземъ—сейчасъ пассажиры мѣсто опростали и приспособили мы вѣнокъ на сѣткѣ..... Великолѣпно!.... Разговоры пошли, спрашиваютъ насъ, интересуются. Какъ это, говорятъ, вы, мужики, и этакое дѣло задумали, прежде васъ и не слышно было, а тутъ накося прежде всѣхъ! Чудно это пассажирамъ. Ну мы имъ отвѣтили, что вѣдь это прежде было. Прежде вонъ мужики и не присягали, а нынче всѣ допущены; по прежнему времени, мы можетъ быть въ лаптяхъ бы ходили, а теперь вотъ и платье у насъ хорошее и покрой нѣмецкій, и картузы..... Сидимъ, этакъ разговариваемъ, а сами все сомнѣваемся. Ну какъ не допустятъ!? Ну какъ не удастся? Такъ до самаго Питера ѣхали—все сомнѣвались.

— «Однако посовѣтовались и рѣшили всѣ силы употребить, но Нашему Благодѣтелю непремѣнно отдать послѣдній долгъ. Пріѣхали въ Питеръ — какъ въ лѣсу. И надумали прежде всего свезти пакетъ къ генералу Рылѣеву во дворецъ. Ахъ, какъ насъ этотъ пакетъ выручилъ! Не будь его, можетъ быть, сколько бы времени проходили. Въ этотъ день мину открыли; градоначальникъ можетъ быть и не ѣлъ цѣлый день,—до насъ ли ему было, а тутъ только у дворца пакетъ показали—сейчасъ-же насъ и на дворъ пустили. Ввели въ какую то комнату. Писаря сидятъ, въ другую—полковникъ занимается. Отдали мы пакетъ, написали на листѣ кто мы, чѣмъ занимаемся, гдѣ живемъ, зачѣмъ пріѣхали, и понесъ это солдатикъ къ коменданту. Долго мы ждали. Только слышимъ за дверью кто-то говоритъ, и вдругъ вошелъ старичекъ въ штатскомъ платьѣ, лицо эдакое грустное. — Что, говоритъ, за люди? Отъ

крестьянъ, говоримъ, вѣнокъ положить. — Какіе, говоритъ, теперь вѣнки. Никого во дворецъ допускать нельзя. Безъ позволенія Государя никому входъ не дозволенъ. Ну, думаемъ мы себѣ: хоть бы и къ Государю—такъ къ Государю. Поѣдемъ, будемъ кланяться, слезно будемъ просить, авось и выпросимъ. А тутъ полковникъ со старичкомъ что-то по-французски говорить началъ. Старичекъ успокоился и вышелъ.

— «Кто бы это такой могъ быть—спрашиваемъ у солдатика.—Формы на немъ нѣтъ, а человѣкъ, должно быть, важный.

«И лакеи-то намъ во дворцѣ рады: Крестьяне, говорятъ, пріѣхали, ходятъ около насъ.....

— «Камердинеръ,—говорятъ. Покойнаго Государя слуга. Ужъ очень онъ убивается.....

«Еще немножко посидѣли, приходитъ человѣкъ. Въ четыре часа, говоритъ, явиться приказано. Ну, думаемъ себѣ, слава тебѣ Господи. Живымъ манеромъ въ гостинницу за вѣнками. Водой сбрызнули, чтобы свѣжѣе были. У старосты кафтанъ жалованный былъ—прихватили кафтанъ, вѣнки и поѣхали. Объ ѣдѣ и не вспомнили, —не до того было. Подъѣзжаемъ ко дворцу. Тамъ видятъ, что тѣ же самыя лица, которымъ приказано явиться—пропустили безъ всякаго прекословія. Подождали немножко, входитъ генералъ Рылѣевъ, пожилой ужъ человѣкъ, лѣтъ шестидесяти. Откройте, говоритъ, вѣнки. Открыли. Взглянулъ онъ и повелъ насъ къ церкви. Пошли мы корридоромъ, генералъ впереди, а мы съ вѣнками позади. Въ корридорѣ какіе-то фонари въ полу вдѣланы, — должно быть свѣтъ черезъ нихъ внизъ проходитъ. Стѣны выкрашены свѣтлой краской, — широкіе корридоры, просторные. Потомъ поднялись по лѣстницѣ, опять пошли корридоромъ. Тутъ генералъ Рылѣевъ и спрашиваетъ: «А что, говоритъ, у васъ на лентѣ написано»? Извольте посмотрѣть, ваше высокопревосходительство. Сталъ онъ читать «Отцу нашему Царю-Освободителю,» потомъ, какъ дошелъ до словъ: «Ты безсмертенъ въ сердцахъ нашихъ», какъ заплачетъ, какъ зарыдаетъ.....

— «Да!.... Онъ васъ любилъ—говоритъ генералъ. — И такъ-то намъ жутко стало. Безъ того-то разстроены, а тутъ какъ генералъ заплакалъ, такъ слезы и подступаютъ. Взяли у насъ вѣнки, внесли въ какую-то комнату, кухня что-ли она, лаболаторія-ли—не знаю, только минутъ черезъ десять вынесли и пошли мы дальше. Стали спускаться по мраморной лѣстницѣ, генералъ и говоритъ:

«если у васъ сапоги гвоздями подбиты, такъ вы, господа, поосторожнѣе, а то поскользнетесь». Прошли однако благополучно..... И чѣмъ ближе мы подходили къ церкви, тѣмъ все больше сердце падало. Наконецъ и въ церковь вступили: великолѣпіе, золото вездѣ..... Только какъ это все сдѣлано—не могу описать, половины не видалъ, такъ глаза слезами и застлало. Стоитъ по серединѣ балдахинъ парчевой, три широкія ступени ко гробу ведутъ, въ головахъ Государя аналой и священникъ читаетъ Евангеліе, впереди балдахина на трехъ столахъ ордена разложены и балясникомъ отдѣлены отъ балдахина, а кругомъ стоятъ все генералы. Много генераловъ, человѣкъ тридцать, если не больше. Посторонились они, дали намъ дорогу, и мы вошли на первую ступень. Тутъ я ужъ и помню-то мало (на глазахъ разсказчика снова выступили слезы); пали мы всѣ на колѣни и зарыдали. Въ землю поклонились, а слезамъ удержу нѣтъ, такъ и льются, такъ и льются, точно ручей какой. Полѣзъ было я за платкомъ въ карманъ— нѣту. Въ попыхахъ изъ Москвы не захватилъ. Горе такое. Встали. Я кое-какъ утеръ кулакомъ глаза, и генераловъ-то мнѣ стыдно, и слезъ-то никакъ невозможно удержать. Опять мы упали и опять разрыдались..... и такъ до трехъ разъ..... Что въ это время мы перечувствовали, какъ переболѣла душа у гроба нашего Отца и Благодѣтеля — выразить невозможно! Словъ такихъ нѣтъ, да и быть не можетъ..... И какой же чести насъ удостоили! Много вѣнковъ и раньше лежало на гробѣ и прислонено къ нему много было, а нашъ-то вѣнокъ, какъ взялъ генералъ Рылѣевъ, такъ прямо на грудь къ нашему Батюшкѣ и возложилъ. Сдвинулъ тѣ вѣнки поближе къ ногамъ, а мужицкій-то, мужицкій-то вѣнокъ прямо къ Нему на сердце. Какъ, то-есть, мы были у Него на сердцѣ цѣлую жизнь, такъ и послѣ смерти наша благодарность легла къ Нему на мученическую грудь. И такъ это насъ тронуло, что мы опять заплакали. Тутъ генералъ позволилъ намъ проститься съ Государемъ, къ ручкѣ Его приложиться и вѣрите-ли..... только что взглянулъ я на Него — такъ и остолбенѣлъ. Что портреты-то мы видимъ — никакого подобія. На портретахъ у него прическа пышная, виски зачесаны и волосы только съ просѣдью, а тутъ лежитъ Онъ Батюшка сѣдой, худой, истомленный, волосы короткіе, усы совсѣмъ сѣдые. Правое вѣко разсѣчено, бровь какъ будто опалена, а съ лѣвой-то стороны все лицо въ черненькихъ пятнышкахъ, точно рябое сдѣлалось. Динамитъ этотъ проклятый, го-

ворятъ, такъ дѣйствуетъ. И лежитъ нашъ Царь-Мученикъ въ гробу съ кроткимъ и любящимъ лицомъ, точно заснулъ онъ, Батюшка. Образъ Спасителя въ рукахъ у Него, цвѣты вокругъ головы и столько благости на Его лицѣ, столько доброты и любви — что будь каменное сердце и то дрогнуло-бы при видѣ этого мученика.»

Въ голосѣ расказчика зазвенѣли слезы; голова грустно опустилась на грудь и онъ задумался.....

— «Вотъ такъ то мы и сподобились проститься съ нашимъ Благодѣтелемъ. Не посрамили себя неблагодарностью, а, какъ и быть должно, первые пошли плакать у гроба своего отца, и за это благодаримъ Бога, что Онъ вразумилъ насъ. Теперь пускай и другія сословія идутъ—мужицкое дѣло сдѣлано!....»

Чувства горя, негодованія и стыда, возбуждаемаго въ Русскихъ потерею лучшаго изъ Государей, и при томъ среди такихъ обстоятельствъ, естественны; иныхъ чувствъ и быть не можетъ. Но умилительно единодушное соболѣзнованіе о нашей потерѣ, умилительно единодушіе похвалъ убіенному Государю, единогласно названному не только въ Москвѣ и Петербургѣ, но печатью всей Европы и Америки «мученикомъ»! Президентъ Германскаго Имперскаго сейма выражаетъ соболѣзнованіе о кончинѣ Русскаго Императора, павшаго отъ подлаго покушенія, и вся палата выслушиваетъ рѣчь, стоя, съ почтительнымъ сочувствіемъ. Президентъ Французскаго сената, выражая то-же соболѣзнованіе о кончинѣ Русскаго монарха и то-же омерзѣніе къ его убійцамъ, отдаетъ дань хвалы Освободителю двадцати милліоновъ, и палата вторитъ оратору рукоплесканіями. Гамбетта взволнованнымъ голосомъ объявляетъ палатѣ о страшномъ событіи въ Петербургѣ, предлагаетъ палатѣ выразить свои чувства и требуетъ пригомъ отъ нея единогласія, которое и послѣдовало. Палата общинъ въ Лондонѣ прерываетъ свое засѣданіе; вотируя поспѣшно безъ голосованія законъ о разоруженіи, поручаетъ передать Королевѣ тѣ-же чувства ужаса и негодованія, которыми пораженъ весь образованный свѣтъ при вѣсти о невѣроятномъ событіи. Совѣщанія дипломатовъ въ Константинополѣ тоже прерываются при той же вѣсти. Сѣвероамериканскіе Штаты говорятъ и чувствуютъ одинаково съ Европою. Мы не находимъ уже нужнымъ повторять тѣхъ изъявленій сочувствія Русскому народу и Русскому Царственному Дому, которыя принеслись отъ всѣхъ Царственныхъ особъ, отъ министровъ всего свѣта и отъ всей печати.

Да, почти всѣ признались, остальные надѣемся, сознаются, что Государь почившій—дѣйствительно мученикъ и въ Его мученическомъ вѣнкѣ тѣмъ болѣе трагизма, что погибель Его замышлена и приведена въ исполненіе людьми, прикрывающимися тою самою идеею, выразителемъ которой и исполнителемъ, въ самомъ лучшемъ ея понятіи, былъ именно Онъ, павшій отъ руки безсмысленныхъ и совсѣмъ не понимающихъ проповѣдниковъ ея.

Но не въ конецъ еще осиротѣли мы! Въ непоколебимой вѣрѣ и твердой надеждѣ на равно всѣмъ любимаго, всѣмъ дорогаго, всѣмъ намъ близкаго, юнаго Царя Александра III, возложимъ всѣ свои упованія, и это поможетъ намъ перенести тотъ тяжелый гнетъ душевный, подъ бременемъ котораго молча изнемогаемъ мы! Мы знаемъ, какая тѣсная, неразрывная связь соединяла Вѣнценоснаго Отца съ Державнымъ Сыномъ; знаемъ, какъ горячо оба они любили свою Россію, и въ этой любви—залогъ нашего спокойствія, она утѣшитъ насъ, насколько возможно утѣшеніе въ нашемъ гнетущемъ, безотрадномъ горѣ.

Приникнемъ полнымъ вниманіемъ къ словамъ, оглашеннымъ намъ при гробѣ Почившаго:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая,

объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Господу Богу угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ себѣ ея благодѣтеля Государя Александра II. Онъ палъ отъ святотатственной руки убійцъ, неоднократно покушавшихся на Его драгоцѣнную жизнь. Они посягали на сію столь драгоцѣнную жизнь потому, что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія русскаго народа. Смиряясь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы объ успокоеніи чистой души усопшаго Родителя

Нашего, Мы вступаемъ на Прародительскій Нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Подъемлемъ тяжкое бремя, Богомъ на Насъ возлагаемое, съ твердымъ упованіемъ на Его всемогущую помощь, да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго Нашего Отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастія всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ. Повторяя данный Родителемъ Нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить, по завѣту Нашихъ предковъ, всю жизнь Нашу попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Мы призываемъ Нашихъ вѣрноподданныхъ соединить ихъ молитвы съ Нашими мольбами предъ алтаремъ Всевышняго и повелѣваемъ имъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Николаю Александровичу.

Данъ въ Петербургѣ 1 марта.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

За симъ обнародовано:

Въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, въ присутствіи членовъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, слушали: Высочайшій Манифестъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора Александра Александровича, состоявшійся въ 1-й день сего марта, о восшествіи Его Императорскаго Величества на Прародительскій Престолъ Всероссійскія Имперіи и на нераздѣльные съ нимъ Престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Приказали: о семъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества Манифестѣ обнародовать повсемѣстно, для чего, напечатавъ онаго Высочайшаго Манифеста, равно клятвенныхъ обѣщаній на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству и Наслѣднику Его Величества, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу, потребное число экземпляровъ, послать оные ко всѣмъ вообще, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ начальствамъ, предписавъ имъ указами, по обнародованіи сего Манифеста, привести вѣрноподданныхъ Его Императорскаго Величества порядкомъ, установленнымъ ст. 34-ю основныхъ законовъ т. I Св. Зак., къ присягѣ, и присяжные листы, за подписаніемъ

учинившихъ присягу, представить въ Сенатъ, сообщить о томъ же Святѣйшему Синоду и въ департаменты Правительствующаго Сената и общія оныхъ собранія для должнаго съ ихъ стороны распоряженія и припечатать въ установленномъ порядкѣ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, издаваемомъ при Правительствующемъ Сенатѣ, для чего конторѣ сенатской типографіи дать извѣстіе. Марта 1 дня 1881 года. Къ обнародованію съ манифестомъ о восшествіи Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича на Прародительскій престолъ Всероссійскія Имперіи и на нераздѣльные съ нимъ Престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, по общему собранію всѣхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Къ тому дополнено:

Манифестомъ 19 февраля 1861 года блаженныя памяти Родитель Нашъ Государь Императоръ Александръ II, освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, предоставилъ имъ права свободныхъ сельскихъ обывателей съ распространеніемъ, согласно сему манифесту и дополнительнымъ къ оному законоположеніямъ, на крестьянъ дѣйствія общихъ законовъ. Повелѣваемъ привести и крестьянъ наравнѣ со всѣми вѣрными Нашими подданными къ присягѣ въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему Его Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего указа Нашего надлежащія распоряженія.

„*АЛЕКСАНДРЪ.*“

1 марта.

И потекла вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, исповѣдать предъ Богомъ, Его святымъ Крестомъ и Евангеліемъ свою душу, готовую на всѣ жертвы для Царя и Отечества. Она сердцемъ чуетъ, что Державный Преемникъ наслѣдованнаго, глубоко потрясеннаго, царства успокоитъ его и утѣшитъ въ его безотрадномъ горѣ.

Святымъ залогомъ покоя, любви и мира служитъ ей и дорогое имя юной Императрицы, свыше предназначенной на Русскій престолъ, и давно уже снискавшей Себѣ глубокую благоговѣйную преданность Русскаго народа. Не впервые Ей дѣлить съ нами наше горе, не впервые Ей смѣшивать Свои слезы съ нашими слезами. Давно близка и дорога Она намъ, и мы помнимъ Ее

еще чуждою намъ по имени, но уже близкою, родною по общему, глубокому горю. Теперь Она вновь среди насъ у свѣжей отверстой могилы, но уже не какъ гостья, а какъ юная мать обширной Русской семьи! Святое, дорогое для сердца Русскаго имя приняла Она, и свято вѣрится намъ въ то, что Она сдержитъ все, что обѣщаетъ намъ это незабвенное въ Русской исторіи имя.

Мы привыкли вѣрить, что и юная Державная чета увѣрена, что въ ней все наше упованіе, вся будущая жизнь наша, что только тѣсно соединенныя Державныя руки способны утереть тѣ горькія, кровавыя слезы, которыми орошена Русская земля, въ виду отверстой могилы, готовой принять священный прахъ Царя-Отца, Царя-Освободителя.

Будемъ утѣшаться этою вѣрою, и надежда, знаемъ, никогда не посрамляла.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 2 марта читаемъ: въ часъ по полудни, Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича и членовъ Императорской фамиліи изволили выйти изъ внутреннихъ покоевъ. Остановились въ Никольской залѣ у караула отъ Кавалергардскаго полка. Государь Императоръ изволилъ обратиться къ находившимся тутъ генераламъ и офицерамъ съ многознаменательными словами, въ которыхъ, передавъ имъ отъ имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора, признательность за вѣрную службу, Его Величество изволилъ выразить, что Онъ, принявъ наслѣдіе въ столь тяжкую минуту, будетъ служить Россіи и ея благоденствію и надѣется заслужить ея любовь, а также увѣренъ, что войска будутъ служить Его Величеству и Его Наслѣднику съ тѣми же вѣрностію и усердіемъ, съ какими служили они покойному Государю. Въ заключеніе Его Величество еще разъ изволилъ передать войскамъ благодарность за службу отъ Имени Своего покойнаго Родителя.

Эти милостивыя слова Государя Императора, высказанныя Его Величествомъ подъ давленіемъ удручавшей Его скорби, вызвали со стороны прослезившихся присутствовавшихъ общій, сердечный крикъ «ура»! Провожаемые восторженными привѣтствіями, Ихъ Императорскія Величества изволили направиться къ дворцовому собору. По прочтеніи министромъ юстиціи Высочайшаго манифеста, принесена была присяга Государю Императору и Его Наслѣднику членами Императорской фамиліи, высшими государственными чинами, генералами и офицерами; затѣмъ провозглашено

было многолѣтіе Государю Императору, при чемъ изъ крѣпости былъ сдѣланъ салютъ въ 101 выстрѣлъ. Принявъ поздравленіе отъ членовъ Императорской фамиліи, Ихъ Императорскія Величества изволили, тѣмъ же порядкомъ, направиться обратно, встрѣчаемые по пути ихъ слѣдованія самыми восторженными выраженіями вѣрноподданическихъ чувствъ со стороны собравшихся.

Государь Императоръ, вступивъ въ залы, гдѣ находились члены Государственнаго Совѣта, Сенатъ и свита Его Величества, изволилъ имъ выразить, Именемъ въ Бозѣ почившаго Государя, признательность за их службу и увѣренность въ томъ, что Онъ встрѣтитъ съ ихъ стороны такое же довѣріе, какимъ пользовался Его покойный Родитель. Обратясь къ чинамъ свиты, Государь Императоръ изволилъ имъ объявить, что Онъ оставляетъ ихъ при Своей Особѣ.

Затѣмъ Ихъ Императорскія Величества изволили направиться во внутренніе покои.

Настоящія подробности о выходѣ заимствованы нами изъ «Русскаго Инвалида», вотъ сообщеніе о томъ-же «Петербургскихъ Вѣдомостей»:

«Въ часъ и 12 минутъ открылись двери малахитовой гостиной и Государь Императоръ Александръ III, подъ руку съ Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной изволилъ выйти къ присутствовавшимъ. Государю предшествовали, по обыкновенію, чины двора. Государь и Государыня видимо дѣлали нечеловѣческія усилія, чтобы преодолѣть невыносимое горе,—утрату обожаемаго Отца. Молча Государь прошелъ концертный залъ мимо первыхъ чиновъ двора и сановниковъ Имперіи. Онъ прошелъ половину Николаевскаго зала и изволилъ остановиться по срединѣ, противъ мѣста, занимаемаго кавалергардскимъ карауломъ и произнесъ рѣчь къ предстоящимъ.

Государь благодарилъ именемъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го за службу, которую Почившему несли государственные чины, армія и флотъ. Государь указалъ на трудное время, въ которое Господь Богъ судилъ Ему занять прародительскій престолъ. Государь высказалъ увѣренность, что Ему всѣ будутъ служить такъ-же, какъ и Его Отцу, а въ томъ случаѣ, когда Ему, какъ и всякому человѣку, придется умереть—Его наслѣднику и сыну Николаю Александровичу. Государь высказалъ, какъ глубоко, какъ горячо Онъ любитъ Россію и русскій

Зимній дворецъ, мѣсто постояннаго пребыванія Августѣйшей Фамиліи.

народъ, какъ всѣ помыслы, всѣ стремленія Его направлены къ ихъ благу и счастію, и что для достиженія этого блага Онъ не пожалѣетъ трудовъ.

Государь говорилъ тихо, но Его рѣчь, шедшая изъ глубины сердца, которое многіе поняли и оцѣнили въ бытность Его Величества въ Болгаріи, рѣчь, въ каждой нотѣ которой звучали искренность и чистота—произвели на присутствующихъ глубокое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда, подъ вліяніемъ великаго горя, слезы брызнули изъ глазъ Его и на время полузамяли Его свѣтлую рѣчь..... Все внимало Государю и величайшая тишина господствовала въ залѣ. Не хотѣли проронить ни одного Его слова, ни одного звука. Эта тишина продолжалась и тогда, когда Государь, кончивъ рѣчь, сдѣлалъ первые шаги по направленію къ церкви; но онъ не сдѣлалъ и пяти шаговъ, какъ вдругъ, какъ-бы по мановенію жезла, раздалось изъ каждой груди громогласное, безпредѣльное «ура» и раскатистымъ эхомъ понеслось по аванзалу, Фельдмаршальскому залу, Петровскому, Гербовому и Пикетному. Это «ура», въ которомъ отдавался голосъ всей Россіи, начиная отъ сѣверныхъ ея предѣловъ до южныхъ и отъ западныхъ до восточныхъ, сопровождало Государя до самой церкви, куда вслѣдъ за Нимъ и за Его Августѣйшими дядями и братьями направились присутствовавшіе на выходѣ.

Въ церкви Государь занялъ по обычаю мѣсто у праваго клироса. Началась присяга, слова которой явственно повторялись присутствовавшими.

По окончаніи присяги, Государь изволилъ идти обратно во внутренніе покои дворца. Громкое «ура» и здѣсь сопровождало его.

Государь былъ одѣтъ въ общегенеральской формѣ, съ Андреевскою лентою черезъ плечо. При Государѣ находились великіе князья Константинъ и Михаилъ Николаевичи, Владиміръ, Сергѣй и Павелъ Александровичи. Великіе князья также были подъ очевиднымъ вліяніемъ тяжелаго несчастья, постигшаго Россію и Императорскую Семью.

Москва и всѣ другіе города и селенія также поспѣшили изъявить свою преданность Царю и свою готовность съ Нимъ терпѣть, Нимъ жить и Его милостями наслаждаться.

Но обращаемся къ гробу въ Бозѣ почившаго Отца-Благодѣтеля, Царя-Освободителя, и продолжаемъ:

— *Петербургъ*, 3 марта. Отъ Двора Его Императорскаго Величества объявляется госпожамъ статсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинамъ, гофмейстеринамъ, фрейлинамъ, господамъ придворнымъ кавалерамъ и всѣмъ ко двору пріѣздъ имѣющимъ: Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: 3 сего марта быть перенесенію тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, изъ почивальной комнаты въ Большую церковь Зимняго Дворца. Для сего съѣзжаться въ тотъ день къ 8 часамъ вечера въ Зимній Дворецъ всѣмъ знатнымъ, обоего пола особамъ, а также гвардіи, арміи и флота генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, быть военнымъ въ полной парадной формѣ, всѣмъ въ глубокомъ траурѣ, собираться членамъ Синода и прочему знатному духовенству въ алтарѣ Большой церкви, всѣмъ особамъ имѣющимъ входъ за кавалергардовъ къ Концертной залѣ, генералъ-адъютантамъ свиты Его Величества, генералъ-маіорамъ и флигель-адъютантамъ, также генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ въ Николаевской аванзалѣ и Фельдмаршальской залахъ, прочимъ особамъ и городскимъ дамамъ въ Гербовой залѣ. Его Величество Высочайше соизволилъ: Во время нахожденія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича въ Большой церкви Зимняго Дворца собираться въ оной: госпожамъ статсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинамъ, гофмейстеринамъ, фрейлинамъ, господамъ членамъ Государственнаго Совѣта, сенаторамъ, почетнымъ опекунамъ, статсъ-секретарямъ, генералъ-адъютантамъ свиты Его Величества, генералъ-майорамъ, флигель-адъютантамъ, первымъ и вторымъ чинамъ двора, полнымъ генераламъ и генераламъ гвардейскаго корпуса для слушанія панихиды въ 9 часовъ вечера. Кавалерамъ быть въ обыкновенной формѣ и лентахъ, всѣмъ въ глубокомъ траурѣ.

3-го же марта было сообщено:

1 марта, послѣ вечерней панихиды, отслуженной у тѣла въ Бозѣ почившаго Императора, около 11 часовъ вечера начато было бальзамированіе, которое окончено 2 марта, въ 7 часу утра. При вскрытіи оказалось, что организмъ Государя былъ въ цвѣтущемъ состояніи и одышка, которою Государь страдалъ въ послѣдніе годы, происходила, какъ и предполагали, отъ расширенія легочныхъ сосудовъ. Государь положенъ въ мундирѣ Преображенскаго полка, безъ орденовъ, на кровати, въ учебной комнатѣ. Въ семь часовъ утра фотографъ Левитскій, пользуясь великолѣпнымъ утреннимъ освѣщеніемъ, снялъ удачный портретъ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

ПЕРЕНЕСЕНІЯ ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II

ИЗЪ БОЛЬШАГО ПРИДВОРНАГО СОБОРА ЗИМНЯГО ДВОРЦА
ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ СОБОРЪ.

I. О днѣ перенесенія имъ изъ Зимняго Дворца въ Петропавловскій соборъ тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора всенародно наканунѣ будетъ объявлено, черезъ герольдовъ, по всѣмъ частямъ города.

II. Печальное шествіе слѣдовать будетъ отъ Зимняго Дворца по дворцовой и разводной площадямъ, по Адмиралтейской и Англійской набережнымъ, чрезъ Николаевскій мостъ, по 1-й линіи Васильевскаго Острова чрезъ Тучковъ мостъ, по Александровскому парку, въ Петропавловскій соборъ, чрезъ Іоанновскіе ворота.

III. По первому сигналу, который въ опредѣленной для того часъ будетъ данъ тремя пушечными выстрѣлами изъ орудій Петропавловской крѣпости—лица участвующія въ церемоніи должны готовиться къ церемоніальному шествію.

IV. По второму сигналу тремя пушечными выстрѣлами, всѣ лица входящія въ составъ церемоніальнаго шествія должны занять назначенныя имъ мѣста и построиться въ томъ порядкѣ, въ которомъ будетъ слѣдовать самое шествіе.

V. По третьему сигналу, тремя пушечными выстрѣлами, всѣ отдѣленія начинаютъ церемоніальное шествіе.

VI. Послѣ третьяго же сигнала начинается во всѣхъ церкахъ перезвонъ, а съ С.-Петербурской Петропавловсбой крѣпости пушечная пальба черезъ каждую минуту по одному выстрѣлу, и продолжается во все время печальнаго шествія до постановленія на катафалкъ въ Петропавловскомъ соборѣ гроба въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

ПОРЯДОКЪ ПЕЧАЛЬНАГО ШЕСТВІЯ.

Отдѣленіе I. 1. Церемоніймейстеръ верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 2. Собственный Его Величества конвой. 3. Литавры и хоръ трубачей Л.-Гв. Коннаго полка 4. Конюшенный офицеръ верхомъ, въ мундирѣ и въ полномъ траурѣ. 5. Маршалъ съ маршальскимъ жезломъ, штабъ-офицерскаго чина. 6. Эскадронъ Л.-Гв. гусарскаго Его Величества полка. 7. Рота Его Величества Л.-Гв. Павловскаго полка. 8. Рота Его Величества Л.-Гв. Гренадерскаго полка. 9. Рота Его Величества Л.-Гвардіи саперпаго батальона. 10. Рота Его Величества Л.-Гв. Егерскаго полка. 11. Конюшенный офицеръ верхомъ, въ мундирѣ и въ полномъ траурѣ. 12. Сорокъ придворныхъ лакеевъ, по четыре въ рядъ. 13. Четыре скорохода рядомъ. 14. Восемь камеръ-лакеевъ по четыре въ рядъ. 15. Восемь придворныхъ офиціантовъ, по четыре въ рядъ. 16. Шестнадцать пажей, по четыре въ рядъ, съ ихъ офицерами, кромѣ должностныхъ. 17. Четыре камеръ-пажа, рядомъ съ ихъ офицерами, кромѣ должностныхъ. 18. Ротный командиръ Пажескаго Его Величества Корпуса.

Отдѣленіе II. 19. Церемоніймейстеръ верхомъ имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 20. Маршалъ 6-го класса съ жезломъ, въ траурѣ. 21. Знамя родоваго герба Его Императорскаго Величества, несомое чиновникомъ 7-го класса, и лошадь сего герба, ведомая двумя лицами оберъ-офицерскаго чина; сверхъ того, при лошади и конюхъ. 22. Знамя военное, красное, съ Императорскимъ гербомъ, съ красною бахрамою и кистями, несомое полковникомъ, при двухъ ассистентахъ изъ штабъ-офицеровъ; всѣ въ полной формѣ и въ надлежащемъ траурѣ. 23. Лейбъ-пфердъ Императорская, подъ богатою попоной, ведомая двумя штабъ-офицерами, въ мундирахъ и надлежащемъ траурѣ; за нею два конюха въ парадной ливреѣ. 24. Знамя Черкасскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 25. Знамя Армянскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 26. Знамя Кабардинскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 27. Знамя Грузинскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 28. Знамя Карталинскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 29. Знамена несутъ чиновники 8-го класса; лошадей же ведутъ два лица оберъ-офицерскаго чина.

Отдѣленіе III. 30. Церемоніймейстеръ верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 31. Знамя Иверскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 32. Знамя Мстиславскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 33. Знамя Витебскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 34. Знамя Кондійскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 35. Знамя Обдорскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 36. Знамя Удорскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 37. Знамя Бѣлозерскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 38. Знамя Ярославскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 39. Знамя Ростовскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 40. Знамя Полоцкаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 41. Знамя Рязанскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 42. Знамя Черниговскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 43. Знамя Нижегородскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лодадью конюхъ. 44. Знамя Болгарскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 45. Всѣ выше поименованныя знамена несутъ чиновники 8-го класса; лошадей же ведутъ по два лица оберъ-офицерскаго чина.

Отдѣленіе IV. 46. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 47. Знамя Вятскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 48. Знамя Пермскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 49. Знамя Югорскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 50. Знамя Тверскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 51. Знамя Карельскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 52. Знамя Бѣлостокскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 53. Знамя Самогитскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 54. Знамя Семигальскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 55. Знамя Курляндскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 56. Знамя Лифляндскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 57. Знамя Эстляндскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 58. Знамя Финскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью

конюхъ. 59. Знамя Подольскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 60. Знамя Волынскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 61. Знамя Литовскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 62. Знамя Смоленскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 63. Знамя Псковскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 64. Знамя Таврическаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 65. Всѣ вышепоименованныя знамена несутъ чиновники 8-го класса, лошадей же ведутъ до два лица оберъ-офицерскаго чина.

Отдѣленіе V. 66. Церемоніймейстеръ верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 67. Знамя Сибирскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 68. Знамя Польскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 69. Знамя Астраханскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 70. Знамя Казанскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 71. Знамя Новгородскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 72. Знамя Владимірскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 73. Знамя Кіевскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 74. Знамя Московскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 75. Всѣ вышепоименованныя знамена несутъ чиновники 7-го класса; лошадей же ведутъ по два лица 8-го класса, а за ними идутъ конюхи. 76. Императорскій судовый штандартъ, несомый флота капитаномъ 1-го ранга, въ мундирѣ и въ надлежащемъ траурѣ, съ двумя ассистентами, капитанами 2-го ранга. 77. Знамя изъ черной тафты, съ Государственнымъ гербомъ, несомое чиновникомъ 6-го класса, при двухъ ассистентахъ штабъ-офицерскаго чина, потомъ лошадь, покрытая чернымъ сукномъ, съ Государственнымъ гербомъ на срединѣ, ведомая двумя чиновниками 7-го класса, а за ними два конюха. 78. Бѣлое знамя, несомое гвардіи капитаномъ, при двухъ ассистентахъ, изъ гвардейскихъ офицеровъ, въ мундирахъ, безъ траура. 79. Латникъ, въ позолоченныхъ латахъ, на лошади съ богатымъ чепракомъ и тому принадлежащимъ уборомъ, съ обнаженнымъ мечемъ; лошадь ведутъ два конюха въ парадной ливреѣ. 80. Латникъ пѣшій, въ черныхъ латахъ, съ обнаженнымъ и опущеннымъ внизъ мечемъ, эфесъ обвитъ чернымъ флеромъ. 81. Печальное знамя изъ черной тафты, несомое

чиновникомъ 6-го класса, при двухъ ассистентахъ, штабъ-офицерскаго чина; за онымъ лошадь, покрытая вся чернымъ, ведомая двумя чиновниками 7-го класса, за лошадью два конюха. 82. Два конюшенные офицера, верхомъ; за ними унтеръ-шталмейстеръ.

Отдѣленіе VI. 83. Церемоніймейстеръ верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 84. Маршалъ, съ жезломъ, генералъ-маіорскаго чина. 85. Гербъ Шлезвигъ-Голстинскій. 86. Гербъ Таврическій. 87. Гербъ Сибирскій. 88. Гербъ Финляндскій. 89. Гербъ Польскій. 90. Гербъ Астраханскій. 91. Гербъ Казанскій. 92. Гербъ Новгородскій. 93. Гербъ Владимірскій. 94. Гербъ Кіевскій. 95. Гербъ Московскій. 96. Всѣ выше означенные гербы несутъ чиновники 6-го класса. 97. Государственный большой гербъ, предшествуемый четырьмя генералъ-маіорами и несомый двумя генералъ-маіорами и двумя полковниками, при двухъ ассистентахъ изъ штабъ-офицеровъ. Всѣ въ мундирахъ, и въ надлежащемъ траурѣ.

Отдѣленіе VII. 98. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 99. Сословіе крестьянъ. 100. Сословіе мѣщанъ. 101. Сословіе купцовъ. 102. Непремѣнные члены губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. 103. Маршалъ отъ С.-Петербургской городской Думы, градскій голова съ жезломъ, за нимъ члены городской управы и гласные Думы и секретари сихъ мѣстъ; потомъ каждаго цеха мастеровые съ ихъ знаками, по три въ рядъ. 104. Маршалъ отъ земскихъ учрежденій, за нимъ предсѣдатель и члены С.-Петербургской Губернской земской управы, предсѣдатели и члены уѣздныхъ земскихъ управъ и предсѣдатели и члены другихъ губернскихѣ и уѣздныхъ управъ, находящіеся въ С.-Петербургѣ. 105. Маршалъ отъ дворянства съ жезломъ, С.-Петербургскій предводитель дворянства съ предводителями уѣздовъ и членами депутатскаго собранія С.-Петербургской губерніи, губернскіе и уѣздные предводители дворянства другихъ губерній, находящіеся въ С.-Петербургѣ и въ заключеніе, дворяне, въ столицѣ пребывающіе, какъ должностные, такъ и не служащіе, по три въ рядъ. 106. Маршалъ отъ судебныхъ учрежденій, мировые судьи и чины означенныхъ учрежденій. 107. Маршалъ отъ губернскаго правленія съ жезломъ, за нимъ: С.-Петербургскіе губернаторъ и вице-губернаторъ, и прочіе находящіеся въ С.-Петербургѣ губернаторы, вицъ-губернаторы, предсѣдатели палатъ, члены губерн-

скаго правленія и чины подвѣдомственныхъ губернскому правленію присутственныхъ мѣстъ.

Отдѣленіе VIII. 108. Церемоніймейстеръ верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 109. Маршалъ съ жезломъ. Общество Краснаго Креста. Императорское Вольно-Экономическое Общество, Общество попечительное о Тюрьмахъ, Императорское Человѣколюбивое Общество.

Отдѣленіе IX. 110. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 111. Маршалъ съ жезломъ, отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта; за нимъ какъ чины подвѣдомственныхъ оному мѣстъ, такъ и воспитанники заведеній въ вѣдомствѣ Совѣта состоящихъ, по три въ рядъ.

Отдѣленіе X. 112. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 113. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства почтъ и Телеграфовъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и мѣстъ, по три въ рядъ. 114. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Юстиціи; за нимъ какъ чины подвѣдомственныхъ оному департамента и мѣстъ, такъ и воспитанники заведеній въ вѣдомствѣ сего Министерства состоящихъ, по три въ рядъ. 115. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Путей Сообщенія; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и мѣстъ, по три въ рядъ. 116. Маршалъ съ жезломъ, отъ Государственнаго Контроля; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и мѣстъ, по три врядъ.

Отдѣленіе XI. 117. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 118. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Финансовъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и мѣстъ, по три въ рядъ. 119. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и мѣстъ, по три въ рядъ. 120. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; за нимъ какъ чины подвѣдомственныхъ оному департамента и мѣстъ, такъ и воспитанники учебныхъ заведеній вѣдомства сего Министерства, по три въ рядъ. 121. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и мѣстъ, по три въ рядъ. 122. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному Депсртамен-

товъ и мѣстъ, по три въ рядъ. 123. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Удѣловъ и Кабинета Его Императорскаго Величества; за нимъ чины подвѣдомственныхъ онымъ департамента и мѣстъ, по три въ рядъ. 124. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Императорскаго Двора; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному мѣстъ и Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, по три въ рядъ. 125. Маршалъ съ жезломъ, отъ Министерства Морскаго; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и мѣстъ, по три въ рядъ. 126. Маршалъ съ жезломъ, отъ Военнаго Министерства; за нимъ какъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и мѣстъ, такъ и воспитанники учебныхъ сихъ вѣдомствъ заведеній, по три въ рядъ. 127 Маршалъ съ жезломъ, отъ Правительствующаго Сената; за нимъ, по три въ рядъ: оберъ-секретари, чиновники, состоящіе за оберъ-прокурорскими столами, товарищи оберъ-прокуроровъ Правительствующаго Сената, оберъ-прокуроры Правительствующаго Сената, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода и сенаторы. 128. Чиновники канцеляріи министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго. 129. Маршалъ съ жезломъ. 130. Чиновники государственной канцеляріи: канцеляріи Комитета министровъ и собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества, по два въ рядъ. 131. Почетные опекуны и статсъ-секретари Его Императорскаго Величества, по два въ рядъ. 132. Министръ - статсъ - секретарь Великаго Княжества Финляндскаго. 133. Государственный секретарь. 134. Члены коммиссіи для принятія прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ. 135. Члены Государственнаго Совѣта, по два въ рядъ.

Отдѣленіе XII. 136. Церемоніймейстеръ верхомъ, имѣя черезъ плечо шарфъ изъ чернаго и бѣлаго крепа. 137. Эскадронъ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка. 138. Два герольда съ жезлами. 139. Четыре полковника, съ четырьмя опущенными внизъ государственными мечами, въ мундирахъ и въ надлежащемъ траурѣ. 140. Медали, ордена и регаліи: иностранные: Японскій, Персидскій — Льва и Солнца. Турецкій — Меджидіе. Турецкій — Османіе. — Монакскій — Св. Карла. Сербскій — орденъ Такова 1-й ст. Румынскій — Крестъ въ память перехода черезъ Дунай. Румынскій — Золотая медаль за военное отличіе. Румынскій — Крестъ за военныя достоинства. Румынскій — Румынской Звѣзды 1-й ст. Пармскій — Св. Константина. Нассаускій — Золотаго Льва. Мексикан-

скій—Орла 1-й ст. Саксенъ-Альтенбургскій—Саксонскій-Эрнестинскій Фамильный 1-й степ. Гольштейнъ-Ольденбургскій—Фамильный за достоинства 1-й степени. Мекленбургъ-Шверинскій—за военное отличіе. Мекленбургъ-Шверинскій—Вендской Короны. Саксенъ-Веймарскій—Бѣлаго Сокола 1-й ст. Баденскій—Церингенскаго Льва. Баденскій—Вѣрности. Гессенъ-Кассельскій—Гессенскаго Льва. Велико-Герцогскій Гессенскій—Филиппа Великодушнаго 1-й ст. Велико-Герцогскій Гессенскій—Лудвига 1-й ст. Бразильскій—Донъ-Педро. Бразильскій—Южнаго Креста 1-й ст. Португальскій—Св. Іакова. Португальскій—Св. Бенедикта Ависскаго. Португальскій—Христа. Ганноверскій—Гвельфовъ 1-й ст. Ганноверскій—Св. Георгія. Греческій—Спасителя 1-й ст. Неаполитанскій—Св. Фердинанда. Бельгійскій—Леопольда 1-й ст. Нидерландскій—Льва 1-й ст. Нидерландскій—Военнаго Ордена Вильгельма Большаго Креста. Саксонскій—Зеленой Короны. Виртембергскій—за военное достоинство. Виртембергскій—Короны 1-й ст. Баварскій—Св. Губерта. Датскій—Слона. Шведскій—Серафима. Италіянскій—Аннунціады. Испанскій—Золотаго Руна. Французскій—Почетнаго Легіона 1-й ст. Французскій—Св. Духа. Великобританскій—Подвязки. Гогенцолернскій—бронзовая медаль за 1848 и 1849 годы. Гогенцолернскій фамильный 1-й ст.—Золотаго Креста, установленнаго за XXV лѣтнюю службу. Прусскій—золотая медаль въ память 50-ти лѣтняго юбилея бракосочетанія Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ. Прусскій—золотая медаль, въ память 1813, 1814 и 1815 годовъ. Прусскій—Pour le mérite. Прусскій—Чернаго Орла. Австрійскій—бронзовая военная медаль. Австрійскій—Золотаго Креста, установленнаго за XXV лѣтнюю службу. Австрійскій—Маріи-Терезіи 4-й степени. Австрійскій—Св. Стефана 1-й степени. Россійскіе: Знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ. Вензель Императора Александра I въ память 100-лѣтняго юбилея. Крестъ Кавказскій. Медаль за Турецкую войну 1877—1878 годовъ. Медаль за покореніе Западнаго Кавказа съ 1859—1864 годы. Медаль за войну 1853, 1854, 1855, 1856 годовъ. Медаль за освобожденіе крестьянъ—золотая. Орденъ Св. Нины. Орденъ Св. Станислава. Орденъ Св. Анны. Орденъ Бѣлаго Орла. Орденъ Св. Владиміра. Орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 1-й степени. Орденъ Св. Александра Невскаго. Орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Императорское знамя. Щитъ. Императорскій мечъ.

Короны: Грузинская, Таврическая, Сибирская, Польская, Астраханская, Казанская. Государственная Держава. Государственный Скипетръ. Корона Императорская. 141. Регаліи, ордена и медали несены будутъ на глазетовыхъ золотыхъ подушкахъ, обложенныхъ серебрянымъ широкимъ гасомъ, съ четырьмя серебряными кистями, иностранные ордена и русскія медали и знаки отличія чинами 4-го класса при ассистентахъ 5 и 6 классовъ, русскіе ордена чинами 3-го класса при ассистентахъ 4-го класса, регаліи же чинами 2-го класса при ассистентахъ 3-го класса. 142. Два церемоніймейстера Двора Его Императорскаго Величества, съ жезлами. 143. Оберъ-церемоніймейстеръ съ жезломъ. 144. По обѣ стороны процессіи, начиная отъ регалій до Императорской Фамиліи, идетъ шпалерами баталіонъ Павловскаго военнаго училища.

Отдѣленіе XIII. 145. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя черезъ плечо шарфъ изъ чернаго и бѣлаго крепа. 146. Пѣвчіе Александро-Невской Лавры и Исаакіевскаго собора; за ними вся духовная процессія, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, по распоряженію высокопреосвященнаго митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, съ приличнымъ велелѣпіемъ высокому достоинству въ Бозѣ почившаго Государя Императора. За симъ: придворные пѣвчіе, придворные протодьяконы, придворные священники, съ двумя св. иконами; за ними духовникъ въ Бозѣ почившаго Императора, протопресвитеръ Бажановъ.

147. Печальная колесница, запряженная восемью лошадьми, на которую возложено будетъ тѣло покойнаго Государя. У штанговъ четыре генералъ-адъютанта, а при кистяхъ восемь генералъ-адъютантовъ и шесть генералъ-маіоровъ свиты Его Величества; переднія кисти покрова поддерживаютъ также два генералъ-маіора свиты Его Величества, всѣ въ парадной формѣ при полномъ траурѣ.

148. По обѣ стороны печальной колесницы поѣдутъ съ факелами шестьдесятъ большаго возраста пажей. Лошадей поведутъ восемь чиновниковъ 8-го класса.

149. За печальною колесницей слѣдуетъ Государь Императоръ, имѣя позади себя министра Императорскаго Двора, военнаго министра и дежурныхъ при Его Величествѣ генералъ-адъютанта, свиты Его Величества генералъ-маіора и флигель-адъютанта.

150. Ихъ Императорскія Высочества Государи Великіе Князья Владиміръ Александровичъ, Алексій Александровичъ, Сергѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Николаевичъ,

Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ Старшій, Николай Николаевичъ Младшій, Петръ Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Николай Михаиловичъ, Михаилъ Михаиловичъ, Георгій Михаиловичъ, Александръ Михаиловичъ, Сергій Михаиловичъ, иностранные принцы, кои въ столицѣ находиться будутъ, Ихъ Императорскія Высочества Князья Романовскіе Герцоги Лейхтенбергскіе Николай Максимиліановичъ, Евгеній Максимиліановичъ и Георгій Максимиліановичъ, Ихъ Велико-герцогскія Высочества Герцоги Георгій и Михаилъ Георгіевичи Мекленбургъ-Стрелицкіе, Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и Ихъ Великогерцогскія Высочества Принцы Александръ и Константинъ Петровичи Ольденбургскіе.

151. Поодаль, по сторонамъ, идутъ Его Величества генералъ-адъютанты, генералъ-маіоры свиты и флигель-адъютанты, не находящіеся въ строю и не имѣющіе по церемоніалу особыхъ обязанностей, адъютанты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, и свиты ихъ высочествъ иностранныхъ принцевъ.

152. Рота дворцовыхъ гренадеръ.

153. Ея Императорское Величество Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Государи Великіе Князья Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Георгій Александровичъ и Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія Павловна въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей оберъ-шталмейстеръ и шталмейстеръ Высочайшаго Двора, позади же кареты два камеръ-казака.

154. Ихъ Императорскія Высочества Государыни Великія княгини Александра Іосифовна, Ольга Ѳеодоровна и Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская и Екатерина Михаиловна въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей два шталмейстера верхомъ, позади же кареты два придворные лакея.

155. Ихъ Императорскія Высочества Принцесса Марія Максимиліановна Баденская, Княгиня Романовская Герцогиня Лейхтенбергская Терезія Петровна, Принцесса Ольденбургская Евгенія Максимиліановна и Ея Великогерцогское Высочество Герцогиня Елена Георгіевна Мекленбургъ-Стрелицкая въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей два шталмейстера верхомъ, позади же кареты два придворные лакея. 156. Статсъ-дамы, гофмейстерины, камеръ-

фрейлины и фрейлины, въ каретахъ, позади коихъ по два придворные лакея. 157. Первые и вторые чины Высочайшаго Двора и состоящіе при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ Великихъ Княгиняхъ придворные кавалеры, по два въ рядъ, старшіе впереди. 158. Камергеры и камеръ-юнкеры, по три въ рядъ, старшіе впереди. 159. Лейбъ-медики и придворные медицинскіе чины, состоявшіе при въ Бозѣ почившемъ Императорѣ, по три въ рядъ. 160. Ближайшіе служители покойнаго Императора, по три въ рядъ. 161. Конюшенный офицеръ верхомъ. 162. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. 163. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. 164. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. 165. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго Его Величества баталіона. 166. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи. 167. Батарея Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады. 168. Эскадронъ Кавалергардскаго Ея Величества полка. 169. Эскадронъ лейбъ-гвардіи коннаго полка. 170. Эскадронъ лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка. 171. Лейбъ-гвардіи конно-артиллерійская Его Величества батарея. 172. Эскадронъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища.

Все, что касается разстановки по мѣстамъ, для сей процессіи, всѣхъ воинскихъ командъ, предоставляется распоряженію военнаго начальства.

Вдоль пути, по которому должна шествовать печальная процессія, размѣщаются, по распоряженію военнаго начальства, войска находящіяся въ С.-Петербургѣ и учебныя заведенія, кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ особыя назначенія въ процессіи.

По приближеніи тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора, войска отдаютъ честь обыкновеннымъ порядкомъ, музыка играетъ и барабаны бьютъ походъ, а затѣмъ играютъ молитву.

Музыка, трубачи и барабаны, въ процессіи находящіеся, играютъ и бьютъ только во время шествія.

Съ приближеніемъ печальнаго шествія къ Петропавловской крѣпости, когда отдѣленія будутъ равняться съ Петропавловскимъ Соборомъ, тогда же и послѣдующія затѣмъ до XI-го отдѣленія включительно, поворачиваютъ въ сторону и, сдавъ знамена, гербы и маршальскіе жезлы назначеннымъ для пріема оныхъ лицамъ, разъѣзжаются.

Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Павловскаго полка подходитъ къ Петропавловскому Собору, выстраивается съ правой стороны у главнаго входа и составляетъ почетный караулъ. Къ нему примкнетъ знамя и хоръ музыкантовъ того полка.

Находившіеся въ церемоніальномъ шествіи два герольда становятся въ соборѣ у входа и остаются до окончанія паннихиды.

XII и XIII отдѣленія, а равно лица 3 и 4 классовъ, входящія въ составъ IX, X и XI отдѣленій, продолжаютъ шествіе до Петропавловскаго собора, особы несущія Императорскія регаліи, знаки отличія, ордена и короны, съ ассистентами, входятъ въ церковь и слагаютъ ихъ на указанныя мѣста, по постановленіи гроба на катафалкѣ. Изъ сихъ особъ въ церкви остаются только лица первыхъ четырехъ классовъ.

Когда Ея Императорское Величество Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини прибудутъ къ собору и выйдутъ изъ каретъ, тогда шлейфы Ея Величества понесутъ два камергера, а Ихъ Высочествъ—по два камеръ-юнкера, а концы шлейфовъ Государыни Императрицы гофмейстеръ Высочайшаго Двора, а Государынь Великихъ Княгинь кавалеры состоящіе при Ихъ Высочествахъ; шлейфы же принцессы Маріи Максимиліановны Баденской, княгини Романовской герцогини Терезіи Петровны Лейхтенберской, принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской и герцогини Елены Георгіевны Мекленбургъ-Стрелецкой—по три камеръ-юнкера.

При совершеніи паннихидъ, какъ въ сей день, такъ и въ последующіе дни, имѣютъ быть въ Петропавловскомъ соборѣ слѣдующія лица: статсъ-дамы, гофмейстерины, камеръ-фрейлины, фрейлины, члены Государственнаго Совѣта, министры, сенаторы, первые и вторые чины Высочайшаго Двора, статсъ-секретари, почетные опекуны, придворные кавалеры, генералъ-адъютанты, свиты Его Величества генералъ-маіоры, флигель-адъютанты и адъютанты Великихъ Князей съ супругами, адъютанты иностранныхъ принцевъ, если таковые въ столицѣ находиться будутъ, всѣ генералы, въ столицѣ находящіеся, и гвардіи штабъ-и оберъ-офицеры; прочія обоего пола особы первыхъ трехъ классовъ; губернскій и уѣздные предводители дворянства С.-Петербургской губерніи, а равно губернскіе и уѣздные предводители дворянства всѣхъ прочихъ губерній, въ столицѣ находящіеся; С.-Петербургскій городской голова и де-

путація отъ купечества С.-Петербургскаго. Сверхъ того, ближайшіе служители въ Бозѣ почившаго Императора.

Въ день же перевезенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора въ соборъ приглашаются къ панихидѣ чужестранные послы, посланники и особы дипломатическаго корпуса съ супругами, и помѣщаются заблаговременно до прибытія тѣла на указанныя мѣста.

Примѣчаніе. Лица обоего пола, не находившіяся въ печальномъ шествіи, но имѣющія право входа въ церковь, въ сей день, во время панихиды, снабжаются отъ Придворной Его Величества конторы для входа въ крѣпость и соборъ особыми именными билетами, которые никому другому передаваемы быть не могутъ.

При третьемъ, послѣднемъ сигналѣ, по которому должно начаться печальное шествіе, на флагштокѣ Петропавловской крѣпости поднимается траурный черный флагъ, который и остается до погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора.

Литургія въ Петропавловскомъ соборѣ совершена будетъ однимъ изъ архіереевъ до прибытія тѣла къ Петропавловскому собору.

По прибытіи печальной колесницы къ западнымъ дверямъ собора, восемь генераловъ свиты Его Величества снимутъ съ гроба покровъ и внесутъ въ соборъ, а Государь Императоръ, Государи Великіе Князья, иностранные принцы, принцъ Петръ Ольденбургскій, князья Романовскіе герцоги Лейхтенбергскіе, принцы Ольденбургскіе, министръ Императорскаго двора и генералъ-адъютанты, поднимутъ гробъ и въ предшествіи митрополита и духовенства внесутъ въ соборъ и поставятъ на катафалкъ; по сторонамъ гроба идутъ шесть гренадеръ Дворцовой роты, безъ ружей и шесть унтеръ-офицеровъ отъ гвардейскихъ полковъ, въ коихъ въ Бозѣ почившій Императоръ считался шефомъ, держа каски въ рукѣ, и четыре камеръ-казака.

Восемь флигель-адъютантовъ снимутъ съ гроба крышку и принесутъ ее на особо приготовленный столъ, обитый серебрянымъ глазетомъ съ золотою бахромой.

На верхней площадкѣ катафалка по обѣимъ сторонамъ гроба становятся на часы шесть гвардіи капитановъ или ротмистровъ; на уступахъ катафалка 12 камеръ-пажей; внизу катафалка, по обѣимъ стотонамъ, 12 воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, у колоннъ катафалка съ обѣихъ сторонъ четыре унтеръ-офицера роты дворцовыхъ гренадеръ, съ ружьями у ноги, и два унтеръ-офицера отъ гвардейскихъ полковъ.

У входа въ соборъ стоятъ часовые: съ внутренней стороны отъ роты дворцовыхъ гренадеръ, а съ внѣшней—отъ почетнаго караула.

По постановленіи тѣла въ Бозѣ почившаго Императора на катафалкъ, совершена будетъ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ съ прочимъ духовенствомъ панихида, послѣ которой начнется чтеніе Святаго Евангелія.

Во время пребыванія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора въ Петропавловскомъ соборѣ назначаются для постояннаго дежурства у тѣла: генералъ-адъютантъ, генералъ-маіоръ свиты Его Величества и флигель-адьютантъ, двѣ особы 2-го класса, двѣ особы 3-го класса и двѣ особы 4-го класса, два камергера, два камеръ-юнкера, три камеръ-пажа и шесть пажей, и двѣнадцать штабъ и оберъ-офицеровъ полковъ лейбъ-гвардіи.

Всѣ чины гражданскаго вѣдомства, находящіеся въ печальной церемоніи, должны быть въ мундирахъ, въ форменныхъ шляпахъ, надѣтыхъ на голову и въ глубокомъ траурѣ.

Всѣ вообще чины, какъ военные, такъ и гражданскіе военнаго вѣдомства, должны быть по Военному Уставу въ полной парадной формѣ и въ глубокомъ траурѣ; войска—въ караульной формѣ.

Панихиды будутъ совершаться въ назначенные, по Высочайшему повелѣнію, часы.

А 8-го уже читаемъ:

7-го марта, въ одиннадцать съ половиною часовъ утра, совершилось въ величайшемъ порядкѣ, согласно напечатанному церемоніалу, перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Большаго придворнаго собора Зимняго Дворца въ Петропавловскій соборъ. Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ, что все населеніе столицы, множество народа изъ окрестностей, а также прибывшіе съ дальнихъ концевъ Россіи, провожали гробъ Великаго, возлюбленнаго Монарха. Съ разсвѣтомъ началось сильное движеніе на всѣхъ улицахъ. Народъ валилъ со всѣхъ сторонъ сплошными массами и занялъ громадное пространство на всемъ длинномъ семиверстномъ пути печальнаго шествія. Всѣ городскіе дома облеклись въ глубокій трауръ; особенно выдается траурное убранство зданія Думы, гостинаго двора и помѣщеній иностранныхъ посольствъ, выкинувшихъ траурные флаги. Ровно въ 9½ час. утра, тремя пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости

данъ былъ первый сигналъ для лицъ, участвующихъ въ печальной церемоніи; войска гвардіи и Петербургскаго военнаго округа расположились шпалерами отъ Зимняго Дворца до Петропавловской крѣпости, на пути всего слѣдованія печальнаго кортежа, кромѣ тѣхъ частей войскъ, которыя участвовали въ процессіи. Войска расположились такъ: на Дворцовой площади гвардейская конно-артиллерійская бригада; на разводной площадкѣ предъ Зимнимъ Дворцомъ вторая гвардейская артиллерійская бригада; отъ Дворцоваго моста вдоль Новой набережной по батальону Новочеркасскаго и Учебнаго пѣхотныхъ полковъ; на Сенатской площади гвардейскій экипажъ и саперный баталіонъ; на Англійской набережной гвардейскіе стрѣлки и Финляндцы; по набережной Васильевскаго Острова гвардейская кавалерія, въ томъ числѣ три эскадрона Кавалергардскаго полка; предъ дамбою Тучкова моста флотскій экипажъ и юнкерское училище; затѣмъ дальнѣйшій путь до крѣпости занимала гвардейская пѣхота,—причемъ два баталіона Преображенскаго полка стояли у входа крѣпости, два около Петропавловскаго собора. Всѣми войсками командовалъ генералъ-адъютантъ Костанда. Войска были одѣты въ парадной формѣ, въ мундирахъ, при караульной аммуниціи, въ глубокомъ траурѣ. Въ началѣ одиннадцатаго часа утра, вдоль пути шествія между Зимнимъ Дворцомъ и Николаевскимъ мостомъ, началось усиленное движеніе. Лица, участвующія въ процессіи, спѣшили занять свои мѣста. Окна и балконы домовъ по пути были заняты множествомъ людей. Начавшееся суетливое движеніе было какъ бы предвѣстникомъ скораго установленія порядка всего церемоніала. Дѣйствительно, когда, въ одиннадцать часовъ утра, раздался второй сигналъ, всѣ были на своихъ мѣстахъ. Въ это время, въ Большомъ соборѣ Зимняго Дворца, вокругъ гроба Императора, собрались Ихъ Величества и всѣ члены Царской Семьи. По отслуженіи краткой литіи митрополитомъ Исидоромъ, въ сослуженіи митрополитовъ Московскаго Макарія, Кіевскаго Филоѳея и четырехъ епископовъ, сперва вынесены изъ церкви ордена и регаліи, затѣмъ, въ предшествіи пѣвчихъ и духовенства, гробъ понесли члены Царской Семьи. Изголовье гроба несъ Государь Императоръ. Гробъ былъ вынесенъ на Іорданскій подъѣздъ и поставленъ на траурную колесницу, запряженную восемью лошадьми въ траурныхъ попонахъ съ Императорскими гербами. Колесница имѣетъ видъ балдахина изъ золотой парчи, вокругъ карниза балдахина рядъ букетовъ изъ страусовыхъ

перьевъ; на вершинѣ балдахина Императорская корона. Раздался третій сигналъ: ударъ большаго колокола въ Исаакіевскомъ соборѣ, затѣмъ во всѣхъ церквахъ погребальный перезвонъ. Это было въ 11½ часовъ. Чтобы судить о протяженіи печальнаго кортежа, достаточно сказать, что, когда траурная колесница двинулась отъ Іорданскаго подъѣзда дворца, голова процессіи, именно собственный Его Величества конвой, находилась уже въ первой линіи Васильевскаго Острова. Въ процессіи приняли участіе представители учрежденій, созданныхъ только-что минувшимъ Царствованіемъ: представители городскихъ общественныхъ управленій, земскихъ учрежденій, судебныхъ установленій и крестьянскаго самоуправленія. Изъ представителей иногородныхъ выдѣлялись представители первопрестольной столицы: Московскій губернскій предводитель дворянства графъ Бобринскій и московскій городской голова Третьяковъ. Видное мѣсто въ процессіи занимало учащееся юношество. Тутъ были студенты Петербугскаго университета, медико-херургической академіи, института инженеровъ путей сообщенія, гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній. Пятьдесятъ семь иностранныхъ орденовъ и пятнадцать русскихъ знаковъ отличія и орденовъ несли особы первыхъ трехъ классовъ. Императорское знамя несъ генералъ-адъютантъ Грейгъ, щитъ—генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, Императорскій мечъ, на трехъ подушкахъ, графъ Шуваловъ, бывшій посолъ, при двухъ ассистентахъ. Короны несли: Грузинскую—генералъ-адъютантъ Семека, Таврическую—генералъ-адъютантъ Бистромъ, Сибирскую—генералъ-адъютантъ Глинка-Мавринъ, Польскую—генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, Астраханскую—графъ Валуевъ, Казанскую—дѣйствительный тайный совѣтникъ Титовъ; государственную державу—генералъ-адъютантъ Новосельскій; государственный скипетръ—графъ Гейденъ; корону Императорскую—князь Суворовъ. За регаліями шествовало, послѣ пѣвчихъ, духовенство въ траурныхъ ризахъ. Во время шествія, войска, стоявшія шпалерами, отдавали честь, музыка играла на молитву и «Коль славенъ». Не посредственно за гробомъ шелъ Государь Императоръ безъ пальто, въ одномъ мундирѣ, въ общей генеральной формѣ, съ Андреевскою лентой черезъ плечо. За Государемъ слѣдовали, также пѣшкомъ и безъ шинелей, члены Императорской Семьи, нѣсколько правѣе—министръ двора и свита Государя, Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ слѣдовали въ траурной каретѣ. Въ слѣдующихъ каретахъ ѣхали: герцогиня Эдинбург-

ская и Великія Княгини. До прибытія процессіи къ Петропавловскому собору, въ немъ собрались чины дипломатическаго корпуса, придворныя дамы, генералы, не участвовавшіе въ процессіи, высшіе гражданскіе чины, дворянство и купечество. Соборъ преобразился. Среди собора, между четырьмя колоннами, воздвигнутъ балдахинъ; почти непосредственно подъ потолкомъ храма, установлена золотая Императорская корона составляющая вершину овальнаго полукруга, который представляетъ державу; отъ нея идетъ какъ бы мантія, въ видѣ драпри, спущенная внизъ; длинными концами мантіи обвиты четыре коллоны; такимъ образомъ сооруженіе имѣетъ видъ шатра. На куполѣ балдахина, въ нижнемъ его основаніи, установленъ рядъ Императорскихъ гербовъ и споповъ изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ. Катафалкъ установленъ на крестообразномъ возвышеніи о семи ступеняхъ. Драпри балдахина изъ бѣлой серебряной парчи, внутри балдахинъ обитъ горностаемъ съ виднѣющимися въ разныхъ мѣстахъ Императорскими гербами въ трaурѣ; траурныя занавѣси и обтянутыя черною матеріей колонны дополняютъ траурное убранство храма. По прибытіи процессіи въ Соборъ, ордена помѣщены на табуретахъ, поставленныхъ впереди балдахина, регаліи установлены по обѣимъ сторонамъ на катафалкѣ. Только въ два часа 20 минутъ пополудни, гробъ прибылъ къ собору, былъ внесенъ въ соборъ членами Царской Семьи и поставленъ на катафалкѣ. Государь и вся царская семья стали на возвышеніи подлѣ гроба. Въ тотъ моментъ, когда гробъ вносился въ храмъ, всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна; то-же самое произошло при совершеніи панихиды, когда пѣлось: «Со Святыми упокой» и «Вѣчная память». По окончаніи панихиды, Государь, члены Царской Семьи и Августѣйшіе родственники благоговѣйно преклонились предъ гробомъ, затѣмъ оставили соборъ. Могила Государя, согласно Его желанію, выраженному за долго до катастрофы, находится рядомъ съ гробницей недавно почившей Императрицы Маріи Александровны и Цесаревича Николая. О томъ, что останки Государя внесены подъ сѣнь Петропавловскаго собора, столица въ два часа двадцать минутъ дня узнала по раздавшимся съ крѣпости пушечнымъ выстрѣламъ. До самаго окончанія печальной церемоніи всѣ магазины были закрыты, на фабрикахъ не работали весь день.

Вотъ описаніе перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора, заимствованное изъ «Голоса»: Сегодня, въ субботу, 7-го

марта, всѣ дома главныхъ улицъ Петербуга съ ранняго утра облеклись въ трауръ. Невскій Проспектъ, Большая Морская, Главный Штабъ, Дворцовая, Адмиралтейская и Англійская Набережная и другія улицы, по которымъ назначено было перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го, были убраны траурными флагами; на балконахъ и въ нишахъ оконъ, во многихъ мѣстахъ, видны были траурныя украшенія. Масса народа съ восьми часовъ утра запрудила улицы, прилегающія къ пути слѣдованія печальнаго кортежа. Магазины были закрыты. Съ ночи погода не предвѣщала хорошаго дня, но къ полудню небо совершенно прояснилось, выглянуло солнце и лишь чрезвычайно сильный юго-западный вѣтеръ бушевалъ во все время церемоніи.

Печальное шествіе началось ровно въ 11 часовъ 30 минутъ и было выполнено согласно Высочайше утвержденному церемоніалу. О длинѣ кортежа можно судить уже потому, что въ тотъ моментъ, когда печальная колесница выступала отъ Зимняго Дворца, голова кортежа находилась уже на Васильевскомъ Острову. A vol d'oiseau, при яркомъ блескѣ солнца, процессія представляла величественное зрѣлище: вдоль тротуаровъ, по обѣимъ сторонамъ улицъ, сплошною стѣною выстроенные солдаты, тысячи коннаго и пѣшаго войска въ полной парадной формѣ, въ концѣ и во главѣ процессіи масса духовенства и пѣвчихъ, воспитанники учебныхъ заведеній, придворные чины, ремесленные цехи съ разноцвѣтными значками, гербы, герольды, генералитетъ несшій парчевыя подушки, на которыхъ уложены были иностранныя регаліи и русскіе ордена и медали—все это мѣрными шагами двигалось подъ звуки военной музыки, игравшей «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Въ числѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ, поддерживавшихъ подушки, на которыхъ были возложены государственная держава, скипетръ и корона, мы замѣтили графа П. А. Валуева и свѣтлѣйшаго князя А. А. Суворова, старшаго изъ генералъ-адъютантовъ.

Вслѣдъ за придворными пѣвчими грандіозно колыхалась великолѣпная, облитая золотомъ колесница съ балдахиномъ, украшеннымъ бѣлыми страусовыми перьями, везомая восемью лошадьми. На колесницѣ, подъ балдахиномъ, весь закрытый дорогимъ глазетовымъ покровомъ высился гробъ съ останками великаго Царя-

Освободителя. Непосредственно за гробомъ, пѣшкомъ, нѣсколько выдѣлившись отъ остальныхъ членовъ осиротѣвшей Царской Семьи, твердою поступью шествовалъ Его Величество Государь Императоръ въ общегенеральской формѣ и лентѣ ордена св. Андрея Первозваннаго. За Государемъ, въ числѣ прочихъ членовъ Императорской Фамиліи, находились и прибывшіе изъ-за границы Ихъ Высочества Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи и Николай Николаевичъ Старшій съ Августѣйшими сыновьями Николаемъ и Петромъ Николаевичами. За генералъ-адъютантами, свиты Его величества генералъ-маіорами и флигель-адъютантами, восьмернею цугомъ слѣдовала большая четырехмѣстная траурная карета, съ двумя казаками на запяткахъ. Въ каретѣ находились: Ея Величество, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, Великая Княгиня Марія Павловна, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. За каретами великихъ княгинь, статсъ-дамъ и фрейлинъ слѣдовали войска, артиллерія. Шествіе замыкалось эскадрономъ Николаевскаго кавалерійскаго училища.

Трудно описать то чувство грусти, которое овладѣвало народомъ при приближеніи колесницы съ прахомъ горячо любимаго Государя. Надо было лично присутствовать, чтобъ оцѣнить благоговѣйную тишину, воцарявшуюся въ народѣ по мѣрѣ приближенія печальной колесницы; надо было видѣть искреннія слезы, сопровождавшія прахъ любимаго Царя, чтобъ понять, какъ дорогъ былъ народу покойный Государь и какъ сердечно оплакиваютъ его преждевременную кончину. По мѣрѣ того, какъ двигалась процессія, толпа бросалась на дорогу, съ жадностью ища остатки разбросаннаго по пути ельника, чтобъ унести хоть одну вѣтку на память о незабвенномъ Царѣ-мученикѣ. Ельникъ выкапывали даже изъ подъ снѣга.....

Въ 2 часа 10 минутъ пополудни, печальная колесница въѣхала въ Іоанновскія ворота Петропавловской крѣпости. Десять минутъ спустя, она остановилась у главныхъ вратъ крѣпостнаго собора. Гробъ былъ внесенъ и поставленъ на заранѣе приготовленный катафалкъ Государемъ Императоромъ и великими князьями—сыновьями и братьями въ Бозѣ почившаго Государя. Послѣ краткой молитвы Государь Императоръ изволилъ отбыть изъ крѣпости.

16-го марта въ «Московскія вѣдомости» телеграфировано:

Петербургъ, 13 марта. День 15 марта останется навсегда въ памяти народной. Останки мученически скончавшагося Царя-Освободителя преданы землѣ въ Петропавловскомъ Соборѣ, усыпальницѣ Царствующаго Дома. Безъ преувеличенія можно сказать, что все столичное населеніе было охвачено единымъ чувствомъ подавляющей скорби; всѣ, казалось, перенеслись мыслію въ тотъ храмъ, гдѣ должна была совершиться торжественно-печальная церемонія. Начало отданія послѣдняго христіанскаго долга усопшему Государю было возвѣщено жителямъ столицы въ 10 часовъ утра тремя пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости. Къ этому времени въ Петропавловскій Соборъ стали съѣзжаться члены Святѣйшаго Синода, высшее духовенство, придворныя дамы, члены Государственнаго Совѣта, министры, сенаторы, первые и вторые чины Двора, члены свиты Государевой, свита пріѣхавшихъ высокихъ гостей, представители дворянства, купечества, земства. Въ Соборъ прибыли члены дипломатическаго корпуса съ супругами и нарочито присланные въ Петербургъ представители иностранныхъ государей и правительствъ. Къ 10½ часамъ Соборъ былъ до того переполненъ, что занявшіе однажды мѣсто, казалось, лишены были возможности сдѣлать малѣйшее движеніе. Не смотря на мѣры, принятыя къ возможному ограниченію числа лицъ долженствующихъ присутствовать при церемоніи, явившихся оказалось чрезвычайно много. Задолго до начала богослуженія храмъ оказался рѣшительно переполненъ. Здѣсь были на лицо всѣ генералъ-губернаторы, исключая туркестанскихъ и сибирскихъ. Москва выставила наиболѣе представителей. Почетнымъ карауломъ въ Петропавловскомъ Соборѣ была Государева рота Преображенскаго полка со знаменемъ и музыкантами; на караулѣ у воротъ крѣпости—кадровый баталіонъ резервнаго пѣхотнаго полка. Въ 10¾ съѣздъ въ Соборъ окончился. Герольды въ траурѣ стояли у входа; церемоніймейстеры наблюдали, чтобы въ Соборъ никто не проникъ безъ особаго билета. Благодаря просвѣщенной внимательности и обязательному содѣйствію новаго градоначальника, въ Соборъ были допущены корреспонденты нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ. Посреди храма—широкій проходъ для слѣдованія Ихъ Величествъ и Августѣйшихъ Особъ. Министръ Двора рядомъ съ герольдами. Великіе Князья и Княгини собрались въ шатеръ съ лѣвой стороны у входа въ Соборъ, ожидая Ихъ Величествъ. Предъ началомъ

богослуженія дежурили у гроба, между прочими, князь Долгоруковъ, князь Витгенштейнъ и графъ Гендриковъ.

Съ прибытіемъ Его Величества въ Соборъ началось богослуженіе. Государь подъѣхалъ къ паперти, вмѣстѣ съ Императрицею, въ 11 часовъ. Выходя изъ экипажа, Государь Императоръ привѣтствовалъ караулъ, затѣмъ вмѣстѣ съ Государыней Императрицей вступилъ въ Соборъ. Государь былъ въ генералъ-адъютантской формѣ; Императрица имѣла черезъ правое плечо Екатерининскую красную ленту, съ лѣвой стороны большую звѣзду, нѣсколько иностранныхъ орденовъ, знакъ Краснаго Креста. По занятіи Ихъ Величествами мѣста на возвышеніи у гроба, послѣ того какъ, встрѣченные митрополитомъ, Они приложились ко кресту, началась литургія. Богослуженіе совершалъ митрополитъ Исидоръ. Стройное пѣніе двухъ хоровъ, лаврскаго и придворнаго, было дивнымъ сочетаніемъ гармоническихъ звуковъ, какъ бы извлекаемыхъ гдѣ-то внѣ храма, и издали долетавшихъ до слуха молящихся. Иностранцы бывшіе въ Соборѣ невольно подчинялись обаянію торжественности богослуженія, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за ходомъ службы. Величественны были минуты, когда во время перенесенія Даровъ, чтенія Евангелія и пѣнія за упокой, всѣ, начиная отъ Царя, преклоняли колѣна. Литургія окончилась въ 12 ч. 30 м. пополудни. Нѣсколько ранѣе, къ двѣнадцати часамъ, войска расположились; полки: Преображенскій и Павловскій въ крѣпости, Семеновскій, Московскій, Лейбъ-Гренадерскій, Финляндскій и Гвардейскіе Стрѣлки на Кронверкскомъ Проспектѣ; Измайловскій, Лейбъ-Егерскій полкъ, Саперный баталіонъ, Гвардейскій Экипажъ, Учебный Пѣхотный баталіонъ, на Дворцовой Набережной; Гвардейская Кавалерія на Марсовомъ полѣ, Пѣшая Артиллерія у Лѣтняго Сада и Биржи; Конная Артиллерія на Мытнинскомъ перевозѣ. Войсками командовали генералъ-адъютанты: всѣми войсками—Костанда, на Марсовомъ Полѣ графъ Мусинъ-Пушкинъ, на Кронверкскомъ проспектѣ графъ Воронцовъ-Дашковъ. Иностранные принцы стали прибывать во время литургіи и до ея окончанія оставались въ шатрѣ у входа въ Соборъ. Предъ началомъ панихиды августѣйшія иностранныя особы направились ко гробу и заняли мѣста среди нашей Царской Семьи. Впереди шелъ Германскій наслѣдный принцъ, ведя принцессу Вельсскую подъ руку. Принцы были при русскихъ лентахъ. Панихиду совершалъ митрополитъ Исидоръ въ сослуженіи преосвященныхъ Макарія и Филоѳея, Бажанова и другихъ членовъ

высшаго духовенства. Предъ окончаніемъ отпѣванія Государь, а за Нимъ остальные члены Царской Семьи, приблизясь ко гробу, приложились ко праху Усопшаго. Въ это время Императорское знамя, стоявшее въ минувшіе скорбные дни у изголовья гроба, было взято, и Государь всталъ у изголовія гроба. При возглашеніи вѣчной памяти всѣ преклонили колѣна. Затѣмъ наступила торжественная трогательная минута, Государь, Императрица, всѣ Великіе Князья, Великія Княгини и августѣйшія иностранныя особы вновь приблизились ко праху Почившаго Царя и отдали послѣднее цѣлованіе. Государь сильно взволнованный не удерживалъ слезъ струившихся по лицу. По принесеніи восемью генералъ-адъютантами крышки гроба и по снятіи восемью генералами свиты Его Величества покрова и отнесеніи онаго въ алтарь, Государь, согласно установленному церемоніалу, уложилъ порфиру во гробъ. Послѣдовало прикрѣпленіе крышки ко гробу. Затѣмъ гробъ былъ поднятъ для перенесенія къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Гробъ несли Государь и всѣ члены Царской Семьи и Августѣйшіе родственники. Государь Императоръ несъ гробъ у изголовія, рядомъ съ Нимъ поддерживали гробъ великіе Князья Владиміръ и Алексій Александровичи. Торжественная процессія, имѣя во главѣ трехъ митрополитовъ и члена Синода Бажанова, приблизилась къ могилѣ. Здѣсь была отслужена краткая литія съ возглашеніемъ вѣчной памяти. Всѣ пали на колѣна; во храмѣ послышались рыданія. Печальный обрядъ окончился; гробъ опустили въ могилу. Это было въ часъ тридцать минутъ. Тогда же по сигналу коменданта раздались залпы крѣпости и войскъ бывшихъ въ строю. При этомъ соблюдалась извѣстная очередь, такъ что въ теченіи получаса продолжалась перекатная стрѣльба. Помолившись еще нѣсколько минутъ у могилы, Государь Императоръ съ Государыней Императрицею отбыли изъ Собора. Ихъ Величества были глубоко взволнованы, и покидая могилу плакали. Глубокая скорбь выражалась на лицахъ всѣхъ членовъ Царской Семьи; бывшіе во храмѣ долго не расходились, окруживъ могилу. Многіе покинули Соборъ, унося съ собою на память листки изъ лавровыхъ вѣнковъ покрывавшихъ гробъ. Министръ Двора оставался до совершенной задѣлки могилы. и одинъ ключъ отъ нея былъ взятъ имъ, другой комендантомъ. Вмѣстѣ съ министромъ осталось въ Соборѣ и послѣднее дежурство. Сегодня же, по окончаніи погребенія, состоялось перевезеніе Императорскихъ регалій изъ Петропавловскаго Собора въ Зимній Дво-

рецъ. Трудно передать тяжелую скорбь народа. Когда раздавалась пальба, означавшая совершеніе послѣдняго печальнаго обряда, народъ набожно крестился, массами окружая крѣпость. Магазины закрыты. Трауръ продолжаетъ облекать столицу, которая переполнена стекшимися съ разныхъ концовъ земли Русской. По окончаніи печальной церемоніи Государь возвратился въ Аничковъ Дворецъ.

«Нѣтъ словъ, телеграфируютъ послѣ того, передать то чувство, когда Государь Императоръ съ Августѣйшими братьями сталъ прощаться съ почившимъ Отцомъ-Мученикомъ; долго, долго длилось прощаніе. Затѣмъ Государь сталъ у изголовья гроба, и одинъ за другимъ подходили для послѣдняго прощанія всѣ члены Царской Семьи. Вслѣдъ за ними прощался съ тѣломъ московскій генералъ-губернаторъ, князь Долгоруковъ; затѣмъ уже иностранные принцы и депутаты. Графъ Адлербергъ отнесъ въ сторону государственное знамя. Сыновья почившаго Государя понесли гробъ къ приготовленной могилѣ; все смолкло, всѣ преклонили колѣна. Гробъ опускаютъ, залпъ изъ тысячи орудій какъ могучій стонъ земли Русской потрясаетъ воздухъ, и содрогнулся Петроградъ. Земля приняла прахъ Царя-Освободителя милліоновъ».

Въ Москвѣ всѣ храмы были полны молящимися. Перезвонъ колоколовъ разносился надъ городомъ; массы народа, не вмѣщавшіяся въ церквахъ, наполняли Кремль отъ Спасскихъ воротъ до Краснаго Крыльца. По окончаніи литургіи въ Архангельскомъ Соборѣ, на Ивановской колокольнѣ раздался перезвонъ; послышались голоса, что изъ Собора послѣдуетъ крестный ходъ. Всѣ благоговѣйно обнажили головы, и массы двинулись къ рѣшеткѣ окружающей площадку между Соборами предъ Краснымъ Крыльцемъ. Народу внутри рѣшетки начали раздавать свѣчи, и вотъ широко отворились врата Собора, вышло въ облаченіи духовенство, съ преосвященнымъ Амвросіемъ во главѣ, и расположилось около аналоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Собора. Началась торжественная паннихида подъ открытымъ небомъ. Къ сожалѣнію, внутри рѣшетки между соборами могла помѣститься лишь малая часть собравшагося народа. Какъ было бы хорошо, еслибы паннихида могла быть совершена на Дворцовой или на Красной Площади, и еслибы все заранѣе было должнымъ образомъ къ тому приготовлено!

Настроеніе народныхъ массъ въ Москвѣ, какъ въ этотъ, такъ и во всѣ послѣдніе дни было достойно Русскаго народа и значенія переживаемыхъ нами тяжкихъ событій.

Мы щадимъ народное чувство и не хотимъ растравлять и безъ того наболѣвшихъ ранъ нашихъ воспоминаніемъ о тѣхъ жалкихъ, не признанныхъ нашими и отвергнутыхъ всѣмъ свѣтомъ, орудіяхъ. которыя послужили совершившемуся событію. 26-го марта, сказано они должны будутъ повѣдать предъ правосудіемъ свои завѣты.....

(Разсказано по газетамъ 1—16 Марта).

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ

КНИГОПРОДАВЦА

П. Н.

ШАРАПОВА

ВЪ

МОСКВѢ.

Дозвол. Цензурою Москва 28 Март. 1881 г.

Хромолит. И. Д. Сытина.

2007096024